

О БОЕВЫХ ПОРЯДКАХ. (*)

(Съ чертежами.)

„Существуетъ семь боевыхъ порядковъ — говоритъ Вегецій римскій военный писатель IV-го столѣтiя: *первый* — обыкновенный растянутый (*fronte longa*); *второй* — уступной справа (такъ называемый косвенный боевой порядокъ); *третiй* — уступной слѣва; *четвертый* — уступной съ обоихъ фланговъ; *пятый* — уступной съ обоихъ фланговъ, но усиленный въ центрѣ (слѣдовательно, четвертый исправленный); *шестой* — собственно второй, т. е. уступной справа, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ (уступъ, удаленный отъ непрiятели, Вегецій совѣтуетъ расположить въ видѣ бреши; трудно окончательно уяснить себѣ, что подъ этимъ понимаетъ Вегецій), и, наконецъ, *седьмой* боевой порядокъ, заключающiйся собственно въ томъ, чтобы, въ случаѣ, если одинъ изъ фланговъ обезпеченъ мѣстностью, то держать главную массу войскъ на противоположномъ.

Генераль Жомини насчитываетъ двѣнадцать боевыхъ порядковъ: 1) порядокъ параллельный простой; 2) порядокъ параллельный съ оборонительнымъ или наступательнымъ крючкомъ; 3) усиленный на одномъ или на обоихъ флангахъ; 4) усиленный въ центрѣ; 5) косвенный порядокъ простой или усиленный на атакующемъ флангѣ; 6 и 7) порядокъ перпендикулярный на одномъ или на обоихъ флангахъ; 8) порядокъ вогнутый; 9) порядокъ выпуклый; 10) порядокъ уступной съ одного или съ обоихъ фланговъ; 11) порядокъ уступной изъ центра и 12) порядокъ, комбинированный для производства двухъ атакъ: одной на центръ, а другой на одинъ изъ фланговъ. (**).

(*) Памятная статья „О боевыхъ порядкахъ“, составленную частикуресъ тактики, предназначаемаго для военныхъ училищъ, редакция надеется, что статья эта будетъ прочтена не безъ интереса и послужитъ къ уясненiю взгляда большинства читателей на духъ и значенiе боевыхъ порядковъ. *Ред.*

(**) Précis de l'art de la guerre, T. II, p. 280.

Віаль (*), по слѣдамъ генерала Жюмини, классифицируетъ боевые порядки: 1) *по цѣли*—на наступательные и оборонительные, и 2) *по формѣ*—на параллельные, облическіе, эшелонированные съ одного фланга (Фридландъ), съ обоихъ (Дрезденъ), эшелонированные въ центрѣ и съ одного изъ фланговъ (Ваграмъ, Бородино, Бауценъ, Липы), и, наконецъ, каре (Исли).

До 1856 года у насъ было четыре пѣхотныхъ боевыхъ порядка и три кавалерійскихъ. Въ настоящее время допускается только одинъ *нормальный* боевой порядокъ, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ кавалеріи. Это уже важный шагъ впередъ. Не будетъ ни одного порядка, и вопросъ получить, по нашему мнѣнію, окончательно рациональное рѣшеніе. И дѣйствительно, трудно понять, что могло заставить Вегеція остановиться на семи боевыхъ порядкахъ и насъ на четырехъ. Къ чему служитъ классификація генерала Жюмини и Віаля? Все это чисто дѣло одного произвола, какъ видно ближе всего и изъ классификаціи боевыхъ порядковъ Вегеція: напримеръ, уступной порядокъ справа и слева, по его мнѣнію, составляетъ уже два особыхъ боевыхъ порядка; дагѣ уступной порядокъ съ обоихъ фланговъ, когда центрѣ усиленъ легкими войсками, и когда онъ не имѣетъ при себѣ легкихъ войскъ, снова два отдѣльныхъ боевыхъ порядка; наконецъ, его седьмой боевой порядокъ, когда одинъ изъ фланговъ обезпеченъ мѣстностію. А если оба фланга будутъ обезпечены мѣстностію, то вѣдь это должно было бы составить восьмой боевой порядокъ. Если съ фронта боевой порядокъ будетъ обезпеченъ мѣстностію, доступною только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, то вышелъ бы девятый, и т. п. Очевидно, что если Вегеція останавливается на семи боевыхъ порядкахъ, то единственно только потому, что ему *хотѣлось* поставить здѣсь точку. Другой причины нѣтъ. Формы, въ которыя, въ зависимости отъ обстановки, выливаются боевые порядки, не подлежатъ никакой классификаціи, по той весьма естественной причинѣ, что ихъ безчисленное множество и каждая изъ нихъ *въ свое время и на своемъ мѣстѣ* является вполне законою, начиная съ вытягиванія всѣхъ войскъ въ одну линію до самыхъ глубокихъ построений во множество линій, поставленныхъ одна за другою. Тутъ являются единственными руководителями: мѣстность, нравственные качества и число войскъ, ихъ оружіе, цѣли

(*) Cours d'art et d'histoire militaires. T. II, p. 305 et 306.

дѣйствій, родъ, число и характеръ противника; короче, обстановка, изменяющаяся до безконечности. На столько же безгранично разнообразенъ *по своей формѣ* долженъ быть и боевой порядокъ. Но если боевой порядокъ безконечно разнообразенъ *по своей формѣ*, то по *духу* своему, по *внутреннему содержанию*, по *идеѣ* онъ неизмѣненъ и былъ одинаковъ во все времена.

Уясненіе этого вопроса, какъ посредствомъ теоретическаго изслѣдованія, такъ и путемъ критическаго разбора наиболѣе замѣчательныхъ боевыхъ порядковъ, приобрѣтшихъ себя историческую извѣстность, и составляетъ главный предметъ предмета настоящей статьи.

Эта неизмѣнность идеи боеваго порядка, при безграничномъ разнообразіи формы ея осуществленія, какъ *будто бы* намекаетъ на существованіе *одного* общаго боеваго порядка, и если онъ дѣйствительно существуетъ, но существуетъ опять-таки не какъ *форма*, а какъ *идея*: это *идеальный боевой порядокъ, общій типъ* всѣхъ боевыхъ порядковъ, который, уже какъ идеальный, странно было бы облачать въ какую-нибудь форму и представлять графически, въ видѣ чертежа, надъ это болѣею частію дѣлается любителями (которыхъ, замѣтимъ, между прочимъ, къ сожалѣнію, немало между военными теоретиками), обращать все въ линіи и углы. Въмѣсто того, чтобы изслѣдованіи какого-нибудь вопроса, при изложеніи какого-нибудь факта, стараться уловить, по возможности, во всей полнотѣ главную идею, *вдохновиться идеею*, которая чѣмъ глубже запечатлѣтъ въ душу, тѣмъ лучше, вы получаете вдругъ, *осязаемую игрушку* (и именно игрушку), но игрушку не невинную, каковыми онѣ обыкновенно бываютъ, а, напротивъ того, крайне вредную, имѣющую претензію знакомить васъ съ сущностію дѣла. Примѣните этотъ процессъ къ изслѣдованію и прочимъ вопросамъ въ наукѣ, имѣющей главнымъ предметомъ управление людьми при самыхъ критическихъ положеніяхъ, и вы получите наконецъ сборникъ подобныхъ графическихъ игрушекъ, имѣющихъ дѣйствительно видъ *науки*, какъ нѣкоторые понимаютъ ее, потому что въ ней хотя все и нелѣпо, но *за то положительно*. Попробуйте возстать противъ подобной формалистики и заявить, что нѣтъ неизмѣнныхъ правилъ, нѣтъ привилегированныхъ формъ въ военномъ дѣлѣ: любители положительныхъ выводовъ, правилъ и разныхъ геометрическихъ фигуръ сейчасъ же найдутъ, что тутъ нѣтъ никакой *науки*, нѣтъ ничего положительнаго. А между

тѣмъ въ этомъ собственно и заключается истинная военная наука или, правильнѣе, здравая теорія военного дѣла (*), которая безпрестанно ставитъ на видъ, что по книжкамъ рѣшать вопросы нельзя, что бесконечно-разнообразное рѣшеніе ихъ должно быть вызвано изъ самого себя, что, короче, тутъ необходимо умѣть творить. Истинная наука, отрицающая формалистину, напрягаетъ всѣ усилія къ развитію этой творческой способности, между тѣмъ такъ называемая военная геометрія, приковывая вниманіе къ однѣмъ формамъ, и тѣмъ самымъ какъ бы отвергая другія, приводитъ какъ разъ къ противоположному, т. е. убиваетъ творчество и даетъ нерѣдко жалкой, но „исправной посредственности“ наружный видъ мастера военного дѣла.

Единственное законное графическое изображеніе того идеальнаго боеваго порядка, общаго типа всѣхъ боевыхъ порядковъ, и, крѣпкомъ, для всѣхъ родовъ войскъ, если оно уже дѣйствительно необходимо, могло бы представлять двѣ линіи: въ первой войска, начинающія бой, а во второй войска, ихъ поддерживающія. (См. фигуру 1-ю.)

Подставивъ въ эту общую формулу, полную обстановку въ каждомъ данномъ случаѣ, мы получимъ частное рѣшеніе, вполне положительное, т. е. форму боеваго порядка, отвѣчающую именно только этому случаю.

Передъ тѣмъ, чтобы заняться подобнаго рода постановками, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, уяснимъ сначала основную идею каждаго боеваго порядка, т. е. займемся изслѣдованіемъ главныхъ типическихъ чертъ идеальнаго боеваго порядка.

(*) Въ строгомъ смыслѣ, „военная наука“ не существуетъ, а есть только „теорія военнаго искусства“. Казалось бы неважнымъ спорить объ этомъ: дѣло въ словахъ. Какъ ни называйте, отъ этого сущность дѣла не измѣнится. Далеко нѣтъ. Кто призналъ военную науку, тотъ уже склоненъ, въ известной степени, признавать возможность и законность *правды* и, пожалуй, эстетики и методовъ, тотъ склоненъ уже признать и подчиниться авторитету *военнаго учителя*, въ родѣ Бюловыхъ, Вейротеровъ и Фулей. Развѣ эти люди могли бы когда-нибудь пользоваться такимъ авторитетомъ и такимъ обшпрнымъ пагубнымъ влияніемъ надъ тѣмъ обществомъ, которое поклонилось и безусловно вѣрило въ ихъ *ученость*, если бы общество не признавало существованія „военной науки“? Кто призналъ „теорію военнаго искусства“ и отвергъ „военную науку“, тотъ призналъ необходимость близкаго знакомства съ природою и свойствами элементовъ, а въ дѣлѣ комбинаціи ихъ (или употребленія) законность только творчества, „вдохновенія, находчивости и рѣшительности, доведенныхъ до нагледоваемой „краб-рости въ два часа пополудни“, т. е. до способности быть вдохновеннымъ въ каждую минуту.

Главные условия, которымъ долженъ удовлетворить *каждый* боевой порядокъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1) *Глубкость*, удобопримѣнимость ко всякаго рода обстановкѣ. Отсюда уже ясно, въ какой мѣрѣ всякая *предвзятая* форма, всякій нормальный боевой порядокъ несостоятеленъ, какъ боевой. Онъ можетъ быть допущенъ только въ качествѣ притоговительнаго порядка, въ качествѣ резервнаго.

2) *Независимость частей его другъ отъ друга при самой тѣсной связи ихъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ*, т. е. независимость при возможности самой дѣйствительной взаимной поддержки.

3) *Способность къ парированію какиахъ бы то ни было случайностей*, которыми въ такомъ изобиліи окружено исполненіе всякаго военнаго предпріятія.

Резервъ. Последнее условіе осуществляется соответственнымъ глубиною боеваго порядка, построениемъ въ двѣ, три и въ большее число линій, смотря по надобности, вообще *резервомъ*. Чѣмъ случайностей болѣе, какъ, напримѣръ, въ началѣ боя, когда обстоятельства, окружающія бой, вовсе неизвѣстны или мало извѣстны, тѣмъ резервъ долженъ быть сильнѣе, и, наоборотъ, когда обстоятельства разъяснены, тѣмъ болѣе *боевая часть* войскъ усиливается насчетъ резерва. Отсюда очевидно, что обстановка можетъ такъ сложиться, что иногда все будетъ въ резервѣ или почти все (*); иногда все будетъ въ боевой части, именно: когда намъ представится случай напасть на непріятеля неожиданно, когда онъ не готовъ къ бою, или подъ конецъ боя, когда успѣхъ атаки окончательно подготовленъ, когда непріятель разстроены и ввелъ въ дѣло уже послѣдніе резервы. Вотъ крайнія обстановки, требующія, чтобы или все было въ резервѣ, или все въ боевыхъ линіяхъ. Между ними находится безчисленное множество условий, требующихъ то усиленія боевыхъ линій насчетъ резерва, то, наоборотъ, усиленія резерва насчетъ боевыхъ линій. Вообще *единственнымъ мѣриломъ къ опредѣленію величины резерва, болѣе или менѣе его силы, какъ приведено было выше, служитъ доля случайностей, окружающая бой.* Та-

(*). Такъ, напримѣръ, въ началѣ сраженія при Лigny, Блюхеръ имѣлъ 90,000 поставилъ въ боевыя линіи только 5 баталіоновъ и 3 полка кавалеріи, а всю остальную массу войскъ держалъ въ резервѣ сосредоточенно, пока построениемъ французовъ войскъ въ боевой порядокъ не объяснилось намѣреніе Наполеона атаковать его со стороны Фларуса.

нимъ образомъ, у древнихъ, когда, по свойству тогдашняго оружія, по характеру самаго боя (у нихъ почти не было подготовительнаго періода боя, а если онъ и былъ, то въ крайне слабыхъ размѣрахъ); и по свойствамъ поля сраженія, большею частію открытаго и ровнаго, обстановка, окружавшая бой, была болѣе или менѣе тождественна, когда элементъ подвижности, въ особенности въ греческой тактикѣ, имѣлъ весьма слабое развитіе, когда бой былъ окруженъ гораздо меньшимъ числомъ случайностей, чѣмъ впослѣдствіи, съ появленіемъ огнестрѣльнаго оружія, и въ особенности въ ближайшую къ намъ эпоху, — резерва или вовсе не было, или онъ былъ крайне слабъ и вообще не имѣлъ такого многосторонняго назначенія, какъ въ настоящее время. Подобнымъ же образомъ, если сравнить свойства различныхъ родовъ войскъ и рѣшить при этомъ вопросъ, для котораго изъ нихъ бой окруженъ большею вереницею случайностей, то окажется, что въ наиболѣе сильномъ резервѣ нуждается кавалерія, за нею пѣхота и наконецъ артиллерія.

Форма, наиболѣе удобная для построенія резерва, обуславливается ближе всего его назначеніемъ, которое вообще заключается въ поддержкѣ боевой части. Это общее назначеніе — поддержка — можетъ выразиться въ частныхъ случаяхъ или въ смѣнѣ боевой части, или въ ея продолженіи въ ту или другую сторону, или въ прикрытіи ея фланговъ, или въ прикрытіи ея отступленія, или въ переходѣ къ наступленію частію или всѣми силами, и, наконецъ, въ преслѣдованіи опрокинутаго непріятеля. Вообще, назначеніе резерва заключается въ *готовности на все, на движенію, въ кратчайшее время во всѣ стороны и по всѣмъ направленіямъ*. Отсюда и форма построенія, ближе всего отвѣчающая подобному назначенію, будетъ форма *сосредоточенная*; но это не безусловно и ближе всего опредѣляется числомъ войскъ, дѣйствующихъ совокупно. При значительномъ числѣ войскъ, странно было бы держать весь резервъ въ одной массѣ, за серединою ли боеваго порядка, или за однимъ изъ фланговъ. Это привело бы къ тому, что резервъ не могъ бы явиться своевременно на требуемыхъ пунктахъ, и, такимъ образомъ, одно изъ капитальныхъ условій всякаго боеваго построенія — возможность самой дѣйствительной, своевременной поддержки — не было бы выполнено. Вотъ почему при построеніи значительнаго числа войскъ, даже начиная съ пѣхотныхъ бригадъ, дивизій и проч., независимо отъ общаго резерва, располагае-

маго всегда сосредоточенно употребляются еще и *частные резервы*, располагаемые за участками боевых линий равномерно въ одну или въ нѣсколько линий, смотря по числу войск. Такимъ образомъ, при построении для боя цѣдой армии изъ трехъ корпусовъ примѣрнаго состава (каждый изъ трехъ пѣхотинскъ и одной кавалерійской дивизій), независимо отъ одного изъ корпусовъ, находящагося въ главномъ резервѣ, будетъ еще три линии частныхъ резервовъ; изъ нихъ послѣднюю составляютъ войска, которые, несмотря на радикальныя измѣненія въ характерѣ новѣйшей тактики, подъ влияниемъ рутиннаго преданія Фридриховской эпохи, принято называть, крайне ошибочно, второю боевою линіею. Характеръ новѣйшей, глубокой, перпендикулярной тактики *ничего линейнаго не терпитъ*, ни второй линіи, ни смѣны цѣдыхъ линій, ни перемѣны фронта боевыми линіями. При построении корпуса, вышесказаннаго состава, для боя, независимо отъ дивизій въ общемъ резервѣ, будетъ еще двѣ линіи частныхъ резервовъ. При построении дивизіи и бригады, сверхъ главнаго резерва, въ первомъ случаѣ бригады, во второмъ полка, будетъ первая линія частныхъ резервовъ, именно такъ называемая нынѣ вторая боевая линія, которая, назначаясь для *непосредственной* поддержки каждой изъ частей первой боевой линіи, располагается за нею или побаталионо, большею частью въ колоннахъ къ атакъ (*), или же по нѣскольку баталіоновъ въ совокупности.

У древнихъ, какъ уже замѣчено было выше, обстановка, окружавшая бой, была несравненно проще, да и по свойству употребляемаго ими оружія подготовленнаго периода боя или вовсе не было, или онъ былъ крайне непродолжителенъ, почему у нихъ резерва или вовсе не было, или онъ былъ весьма слабъ, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ (**). Да притомъ онъ не могъ имѣть столь разнообразнаго назначенія, какъ въ новѣйшей тактикѣ, почему и располагался обыкновенно не сосредоточенно, въ массѣ за бое-

(*) Въ расположеніи частей частныхъ резервовъ, ближайшихъ къ боевой части, какъ объяснено будетъ ниже, могутъ быть допущены, смотря по обстоятельствамъ, самыя разнообразныя построения (колонны къ атакъ, полувадольныя изъ середины, ротныя колонны, развернутый строй, каре).

(**) Подководцы, какъ Александръ Великій (напримѣръ, при Арбеллахъ), Аннибалъ или Цезарь, которые въ бою рассчитывали бить противника не столько грубою силою, сколько дѣйствовать на него неожиданностію, всегда съ уваженіемъ относились къ резерву.

вою частію, а равноѣрно, за каждую изъ ея отдѣльныхъ частей, въ родѣ такъ называемой нынѣ второй боевой линіи. Тѣ же причины, та же тождественность въ обстановкѣ, при крайне слабомъ развитіи подвижности войскъ, привели къ такому же расположенію резерва и въ времена линейной тактики, и въ предшествовашіе ей періоды⁽¹⁾, такъ что въ эти періоды глубина боеваго порядка не превосходила глубины нынѣшнихъ боевыхъ линій⁽²⁾. Дальнѣйшее увеличеніе боеваго порядка въ глубину, какъ слѣдствіе развитія въ весьма широкихъ размѣрахъ гибкости и подвижности и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательной выработки идеи объ особенной важности резерва⁽³⁾, было дѣломъ новѣйшей тактики, оттого собственно и названной *глубокою*. Она называется также и *перпендикулярною*, и въ этомъ названіи слѣдуетъ видѣть не столько одну перефразировку, сколько указаніе на *особенно важное значеніе связи между частями съ глубиною*. Въ прежнія времена не стѣснялись растягивать даже цѣлыя дивизіи въ одну линію, располагая за ними, во второй линіи, для непосредственной ихъ поддержки, войска другихъ дивизій. Подобное расположеніе войскъ затрудняло управленіе ими и, притомъ, не въ достаточныхъ размѣрахъ удовлетворяло условію возможно-тѣсной связи между частями боеваго порядка въ нравственномъ отношеніи. При недостаткѣ же нравственной связи не будетъ и матеріальной; здѣсь не столько важно большее или меньшее удаленіе частей другъ отъ друга, сколько внутреннее желаніе, рвеніе поддержать соседа въ критическую минуту, которое между батальонами одного и того же полка или между полками одной и той же дивизіи, конечно, должно быть сильнѣе, чѣмъ между

(1) Исключая опять-таки полководцевъ, у которыхъ, подобно Тюренню, главный расчетъ въ бою основанъ былъ на дѣйствіи на противника неожиданностію.

(2) Здѣсь собственно имѣется въ виду *нѣкотрый* боевой порядокъ того времени. Въ періодъ линейной тактики, роль резерва принадлежала кавалеріи.

(3) Съ развитіемъ гибкости и подвижности, поле сраженія перешло на мѣстность разнохарактерную. Теперь бой можетъ быть веденъ на всякаго рода мѣстности, вслѣдствіе чего явилось большее разнообразіе въ обстановкѣ. Далѣе, вслѣдствіе той же причины, увеличилась доля неожиданностей въ бою. Такимъ образомъ явилась необходимость изыскать средства, съ одной стороны, къ парированію ихъ, съ другой къ дѣйствію ими на непріятеля. Наконецъ важныя новѣйшія усовершенствованія по технической части, умножившія средства къ подготовкѣ атаки, удлиннели первый періодъ боя. Все это должно было придать особенно важное значеніе резерву и повести къ увеличенію глубины построенія войскъ. Резервъ въ томъ видѣ, какъ онъ требуется глубокою тактикою, не встрѣчается ни въ одинъ изъ предыдущихъ періодовъ ея существованія.

баталіонами разныхъ полковъ или между полками разныхъ дивизій. Въ виду устраненія этого существеннаго недостатка, французы при Наполеонѣ начали въ большей части случаевъ (при Нови, Аустерлицѣ, Іенѣ, Фридландѣ и проч.) располагать для боя каждую дивизію въ двѣ линіи. При открытіи похода 1806 года, Наполеонъ писалъ маршалу Сульту (отъ 29-го сентября 1806 года): „Примите за неизмѣнное правило (*regneз роиг rincipe*) во всѣхъ вашихъ построеніяхъ для боя, придется ли вамъ становиться въ двѣ, или въ три линіи, чтобы одна и та же дивизія составляла правый флангъ двухъ или трехъ линій. Вы видѣли подъ Аустерлицемъ всю выгоду подобнаго построенія....“ (Vial. II. 312.) Въ видахъ возможно-полнаго осуществленія условія тѣсной нравственной связи (на сколько то можетъ зависѣть отъ того или другаго способа построенія войскъ для боя), между частями боеваго порядка, приведенное наполеоновское правило не достаточно примѣнять къ построенію полковъ одной и той же дивизіи, а слѣдуетъ примѣнять къ баталіонамъ одного и того же полка, какъ это принято у насъ и какъ то было сдѣлано Петромъ Великимъ при построеніи нашей арміи на полтавскомъ полѣ сраженія.

При построеніи для боя значительнаго числа войскъ: цѣлыхъ армій, корпусовъ, резервъ составляется изъ всѣхъ трехъ родовъ войскъ. При расположеніи для боя дивизій, бригадъ, пѣхотныхъ и кавалерійскихъ, въ составъ резерва входятъ, въ известной соразмѣрности, пѣхота съ пѣшею артиллеріею или кавалерія съ конною артиллеріею.

Обыкновенно совѣтуютъ располагать въ резервъ лучшія войска. „Держать *лучшія* войска въ резервъ, вводить въ бой только часть соотвѣтственно тому сопротивленію, которое предстоитъ преодолѣть, и держать остальную въ резервъ, въ полной готовности поддержать или смѣнить первую, это — какъ говоритъ Рокашкуръ, при разборѣ сраженія при Замѣ — основное правило, допускающее лишь рѣдкія исключенія. Таково было правило римлянъ, Фридриха, Наполеона....“ Если принять во вниманіе, что ничто не дѣйствуетъ такъ сильно на нравственную сторону войскъ, какъ неожиданности, для парирования которыхъ назначается резервъ, то правило ставить въ резервъ лучшія войска оказывается вполнѣ рациональнымъ. Его придерживались римляне, располагавшіе въ резервъ (третья линія легіона) 600 человекъ триаріевъ (10 манипулъ, каждая

въ 60 человекъ) (*), заслуженныхъ воиновъ, закаленныхъ въ бояхъ. Его придерживался Фридрихъ, располагавшій въ резервъ свою превосходную кавалерію; его держался Наполеонъ, ставившій въ резервъ свою гвардію (ея доблестное поведенеіе при Ватерлоо); его держался и Петръ: подъ Нарвою, необыкновенная стойкость и мужество Преображенскаго полка при оборонѣ моста черезъ Нарову дали возможность спасти хоть покрайней мѣрѣ половину нашей арміи. Но военная исторія показываетъ также, что великіе полководцы, близко знакомые съ сердцемъ человѣческимъ, знавшіе въ особенности то вліяніе, которое на него обнаруживаютъ первыя впечатлѣнія во всякомъ дѣлѣ и особенно въ бою, напротивъ того, иногда начинали бой лучшими войсками, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ самомъ началѣ нужно было разрѣшить одну изъ трудныхъ задачъ, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ Петръ при штурмѣ Нотебурга (1702 г.). Изъ всего этого теорія вырываетъ сдѣлать тотъ выводъ, что *желательно было бы* (дѣло теоріи желать, мечтать о лучшемъ; на практикѣ же все дѣлается какъ придется) и начинать и завершать бой лучшими войсками.

Боевая часть. Одно изъ вышеприведенныхъ основныхъ условій, которому долженъ удовлетворять всякій боевой порядокъ, заключается *въ независимости частей во другъ отъ друга и въ то же время при самой тѣсной связи ихъ между собою, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ.* Нетрудно замѣтить съ перваго же взгляда, что эти два условія противорѣчатъ другъ другу. Независимость частей требуетъ свободного, широкаго ихъ размѣщенія, прерывчатости боеваго порядка; идея же о возможно-тѣсной связи между ними ближе всего осуществляется тѣснымъ, плотнымъ ихъ размѣщеніемъ, непрерывностію боеваго порядка. Но послѣднее построеніе, скользящая инициатива частей боеваго порядка и обращая его въ одну какъ бы сплошную массу, уничтожаетъ гибкость и подвижность цѣлаго боеваго порядка, имѣющихъ столь обшир-

(*) Кстати будетъ здѣсь замѣтить, что, несмотря на увеличеніе иногда числительной силы легіона (обыкновенно 3,000 человекъ: 1,200 гаспатовъ, 10 манипулъ въ первой линіи, въ каждой 120 человекъ, 1,200 прищиповъ, въ такія же порядкѣ во второй и 600 триаріевъ въ третьей), число триаріевъ въ легіонѣ оставалось постоянно неизмѣннымъ, чтобы показать, что не число, а нравственныя качества ведутъ къ успѣху. Въ этомъ надобно видѣть какъ бы вещественное осуществленіе той основной идеи, на которой держится все военное дѣло, что на войнѣ все рѣшается нравственная сила.

ное значеніе въ тактикѣ. Все это указываетъ на необходимость свободнаго размѣщенія частей въ боевой части порядка, на необходимость прерывчатаго боеваго порядка. И дѣйствительно, поставимъ вопросъ такъ: „какимъ образомъ, съ увеличеніемъ массы, отвратить естественныя, вредныя въ отношеніи къ гибкости и подвижности послѣдствія этого увеличенія массы и доставить, на примѣръ, массѣ въ 50 баталіоновъ подвижность и поворотливость одного баталіона?“ Вопроса этого, конечно, вполне разрѣшить нельзя, но подойти къ желаемому рѣшенію на возможно-близкое разстояніе дѣло далеко не невозможное. Для этого достаточно только всю массу расколоть на отдѣльныя другъ отъ друга баталіоны, но въ то же время этому отдѣленію, этой независимости частей другъ отъ друга необходимо положить разумный предѣлъ, чтобы, хотя и разбитыя на мелкія, независимыя единицы, большія тактическія тѣла не переставали бы составлять одно цѣлое, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Въ матеріальномъ отношеніи это достигается такимъ удаленіемъ ихъ другъ отъ друга (интервалы и дистанціи), чтобы между ними не прерывалась ни связь огня, ни связь холоднаго оружія; въ нравственномъ—такимъ веденіемъ, воспитаніемъ войскъ и ихъ начальниковъ, чтобы, въ случаѣ опасности одной изъ частей, сосѣднія, *не ожидая приказаній, инстинктивно* бросались къ нимъ на помощь, т. е. чтобы, независимо отъ связи огня и холоднаго оружія, между ними была, если можно такъ выразиться, и *связь сердца*, при существованіи которой только связь холоднаго оружія и можетъ получить полное осуществленіе. За отсутствіемъ этой нравственной связи не будетъ и матеріальной, а вмѣстѣ съ тѣмъ тѣло, разбитое на отдѣльныя части, не будетъ представлять одного цѣлага и, слѣдовательно, будетъ подвергаться опасности пораженія по частямъ.

Совершенно въ такомъ духѣ разрѣшенъ перпендикулярною тактикою вопросъ о построеніи боевой части боеваго порядка. Она допускаетъ отдѣльное размѣщеніе не только баталіоновъ, но и ротъ. Предшествовавшая ей линейная тактика допускала діаметрально-противоположное рѣшеніе того же вопроса. Какъ неподвижная, она не смѣла разрываться. Вообще во всѣхъ неподвижныхъ тактикахъ, во всѣхъ фалангообразныхъ построеніяхъ (греческая фаланга, боевой порядокъ швейцарцевъ, терціи Тилли и Валленштейна, боевой порядокъ времени Фридри-

ка) связь холоднымъ оружіемъ не иначе могла быть осуществлена, какъ плотнымъ, непрерывнымъ размѣщеніемъ частей. Во всѣхъ подвижныхъ тактикахъ, во всѣхъ боевыхъ порядкахъ, приближавшихся къ легиону (бригады Густава-Адольфа, нынѣшній боевой порядокъ), осуществленіе связи холоднымъ оружіемъ возможно было и при разрывѣ, но при непремѣнномъ соблюденіи вышеприведенныхъ условій.

Что касается до *формы построенія* частей боевой части, то, въ зависимости отъ условій, среди которыхъ приходится располагаться для боя, здѣсь могутъ быть допущены всевозможные порядки. Никакой симетріи, никакого однообразія въ расположеніи частей быть не можетъ, въ особенности при построеніи значительныхъ массъ, *потому что условия для всѣхъ частей не могутъ сложиться одинаково*. Въ то время, какъ одному баталіону придется дѣйствовать на мѣстности открытой и быть въ полной готовности къ отраженію кавалерійской атаки, другому, рядомъ съ нимъ стоящему, положимъ также на мѣстности открытой, придется стоять подъ сильнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи, третьему занимать деревню, четвертому стоять за преградою, доступною только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и проч. Короче, здѣсь можетъ быть безконечное разнообразіе въ условіяхъ, слѣдовательно должно быть и безконечное разнообразіе въ расположеніи частей боевой части боеваго порядка.

Остается теперь разобратъ: какимъ образомъ эти начала, которыя должны быть положены въ основаніе каждаго боеваго порядка, примѣняются къ построенію для боя какъ каждаго рода войскъ отдѣльно, такъ равно ко всѣмъ имъ въ совокупности и вообще къ самымъ разнообразнымъ условіямъ, обыкновенно окружающимъ бой.

I.

Артиллерійскій боевой порядокъ.

Начнемъ съ артиллеріи, какъ рода войскъ наименѣе самостоятельнаго, такъ сказать вспомогательнаго. Вся масса орудій дѣлится на *боевую часть* и *резерв*. Какъ уже выше было замѣчено, артиллерія, для которой бой окруженъ меньшимъ числомъ случайностей и которая притомъ медленнѣе другихъ родовъ приходитъ въ разстройство, не нуждается въ столь сильномъ резервѣ, какъ прочіе роды войскъ, по крайней мѣрѣ въ столь близкихъ поддержкахъ, потому что непосредственную защиту

ходнымъ оружіемъ она получаетъ отъ прикрытія сосѣднихъ съ нею частей пѣхоты и кавалеріи, а поддержку огнемъ—отъ смежныхъ батарей. Назначеніе резерва, какъ и въ прочихъ родахъ войскъ, заключается въ смѣнѣ батарей, разстроенныхъ боемъ или израсходовавшихъ свои заряды, и, наконецъ, въ дѣйствіи съ прочими войсками, составляющими резервъ. Величина резерва измѣняется въ зависимости отъ обстоятельствъ. Батареи, назначаемыя въ резервъ, должны особенно отличаться подвижностію. Форма построенія наиболѣе сосредоточенная—каждая изъ батарей располагается въ дивизионной колоннѣ изъ середины (*).

Батареи, назначенныя въ *боевую часть*, выбираютъ впереди боевой части пѣхоты и кавалеріи наиболѣе выгодныя позиціи. Пѣхота или кавалерія располагаются по сторонамъ для ихъ прикрытія. Батареи становятся, по возможности, въ такомъ удаленіи другъ отъ друга, чтобы между ними была самая тѣсная связь огня, на столько притомъ, чтобы на *любомъ пунктѣ впереди позиціи можно было сосредоточить наибольшее число выстрѣловъ*. Это достигается расположеніемъ батарей боевой части на разстояніи ближняго картечнаго выстрѣла другъ отъ друга (около 500 шаговъ). Въ періодъ линейной тактики; вслѣдствіе несовершенствъ технической части артиллеріи (картечь употреблялась изъ свинцовыхъ пуль и имѣла наибольшую дальность въ 80 сажень), условіе относительно доставленія пространству впереди фронта позиціи наиболѣе сильнаго обстрѣла осуществлялось въ иной формѣ, именно распределеніемъ орудій равномерно по фронту боеваго порядка. Подобная разброска артиллеріи крайне затрудняетъ управленіе ею въ бою и этимъ путемъ затрудняетъ сосредоточеніе въ кратчайшее время наиболѣе сильнаго огня на *любомъ изъ впереди лежащихъ пунктовъ*. На столько же неудобно мас-

(*) Иногда, при построении значительнаго числа войскъ, формируется на время боя особый *артиллерійскій резервъ*, въ составъ котораго назначается по одной батарее изъ каждой артиллерійской бригады, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ. Его назначеніе заключается въ томъ, чтобы имѣть возможность *сосредоточить въ кратчайшее время значительное число орудій на требуемомъ пунктѣ*. Артиллерійскіе резервы въ первый разъ являются у Наполеона послѣ Фриланскаго сраженія (1807). На эту мысль онъ былъ наведенъ успѣшнымъ дѣйствіемъ генерала Сенармона. Польза артиллерійскаго резерва не замедлила оправдаться. Такъ, напримеръ, подъ Ваграмомъ (1809) австрійцы располагали не менѣе сильною артиллеріею, какъ и французы, но нигдѣ не могли сосредоточить столь значительнаго числа орудій, какъ Наполеонъ, который подъ конецъ боя ввелъ въ дѣло 100-пушечную батарею.

сированіе на одномъ пунктѣ нѣсколькихъ батарей. Независимо отъ затрудненія управленія, подобныя обширныя батареи производятъ значительные разрывы въ расположеніи прочихъ войскъ (за артиллерією избѣгаютъ ставить войска, какъ и вообще стараются не представлять по одному и тому же направленію нѣсколькихъ цѣлей непріятельскимъ выстрѣламъ), связь холоднымъ оружіемъ нарушается, стѣсняются движеніе и дѣйствія прочихъ войскъ, утрачивающихъ черезъ то въ значительныхъ размѣрахъ способность къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ и обращающихся какъ бы въ спеціальное прикрытие артиллеріи. Указывая на выгоды и недостатки различныхъ способовъ расположенія артиллеріи для боя, далеко не имѣется въ виду отрицать ни массированія нѣсколькихъ батарей на одномъ пунктѣ, ни размѣщенія ихъ дробными частями. Какъ то, такъ и другое можетъ быть вполне законнымъ при извѣстныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, первое можетъ быть допущено при извѣстныхъ мѣстныхъ условіяхъ (если для каждой отдѣльной батареи не встрѣчается удобной позиціи, а есть одна общая для нѣсколькихъ батарей), далѣе подъ конецъ боя (въ особенности въ случаѣ успѣха: при этомъ условіи почти все законо). Подобно тому, и дробное расположеніе артиллеріи можетъ быть вызвано обстоятельствами мѣстными, какъ, на примѣръ, при расположеніи артиллеріи для обороны деревень, лѣсовъ, когда по сторонамъ ихъ нѣтъ удобныхъ позицій, а приходится располагать ихъ по два орудія при входахъ.

Позиція, выгодная для артиллеріи, должна удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) *представлять удобный обстрѣлъ*, т. е. мѣстность открытую, ровную, перерѣзанную преградами, способными задержать непріятеля подъ нашимъ огнемъ и въ особенности вынуждающими его къ дефилированію, къ движенію узкимъ фронтомъ и въ стѣсненномъ порядкѣ, но не представляющими никакихъ укрытій для непріятельскихъ войскъ отъ нашихъ выстрѣловъ. Особенно выгодно при этомъ, если впереди лежащая мѣстность слегка склоняется къ непріятелю (образуетъ съ горизонтомъ уголъ около 2°) и имѣетъ грунтъ твердый. Последнее необходимо для рикошетированія снарядовъ вообще, а первое обуславливаетъ возможность настильно-рикошетной стрѣльбы, доставляющей средства къ пораженію непріятеля въ нѣсколькихъ точкахъ, въ одномъ и томъ же направленіи. Далѣе, позиція, удобная для артиллеріи, должна 2) *представлять*

достаточнымъ закрытія какъ для орудій, чтобы неприятелю, по возможности, видны были только одни дула орудій, такъ равно и для прислуги, и 3) *представлять сводобный путь отступленія*.

При расположеніи артиллеріи для боя слѣдуетъ: 1) избѣгать ее ставить такъ, чтобы она подвергалась не только продольнымъ, но даже, по возможности, и поперечнымъ выстрѣламъ; 2) не ставить ее безъ прикрытія. Само собою разумѣется, что когда впереди батареи или на флангѣ ея находится мѣстность недоступная, то батарея въ прикрытіи не нуждается, если только при этомъ она не подвергается огню неприятельскихъ стрѣлковъ: иначе и ее придется прикрыть, но только отъ подобнаго огня, т. е. также стрѣлками; въ поддержкѣ же холоднымъ оружіемъ она въ этомъ случаѣ не нуждается. 3) Ставить артиллерію такъ, чтобы, содѣйствуя прочимъ войскамъ, она не стѣснила ихъ въ свою очередь, т. е. оставлять за нею, какъ выше было указано, по возможности, открытые промежутки. Последнее условіе, бывшее камнемъ преткновенія при совокупномъ построеніи войскъ для боя до конца XVIII столѣтія, теперь, благодаря необыкновенному развитію гибкости и подвижности во всѣхъ родахъ войскъ, не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія.

II.

Пѣхотный боевой порядокъ.

Лучшимъ средствомъ къ ознакомленію съ внутреннимъ значеніемъ, съ идеею пѣхотнаго боеваго порядка и въ то же время съ гибкостію формъ, въ которыя онъ можетъ выливаться, въ зависимости отъ обстановки, изменяющейся до безконечности, служить рѣшеніе возможно-большаго числа задачъ, при самыхъ разнообразныхъ обстановкахъ.

Задача 1-я. (См. фигуру 2-ю.) Дивизія пѣхоты, въ составѣ 13 баталіоновъ и 24 пѣшихъ орудій, наступающая изъ А въ Б, подходя къ лѣсу, получаетъ отъ передовыхъ конныхъ отрядовъ извѣстіе о встрѣчѣ съ неприятелемъ въ значительныхъ силахъ. Отряду этому приказано держаться, во что бы то ни стало, на позиціи у лѣса до прибытія прочихъ войскъ. Въ минуту полученія этого приказанія неприятель находится въ разстояніи около двухъ верстъ отъ лѣса.

Рѣшеніе. Стрѣлковый баталіонъ съ наръною батареею за-

нимаетъ лѣсъ. Вся остальная дивизія, въ ожиданіи разъясненія обстоятельствъ, стягивается позади въ резервный порядокъ. (См. фигуру 2-ю.)

Непріятель обнаруживаетъ намѣреніе охватить правый флангъ. Ближайшій изъ полковъ резерва (4-й), съ дивизиономъ облегченной батареи, получаетъ приказаніе воспрепятствовать этому охвату. Онъ выдвигается вправо, съ тѣмъ, чтобы составить правую половину боевой части, и располагается въ отношеніи къ стрѣлковому баталіону уступомъ назадъ. (См. фигуру 3-ю.)

Расположеніе 4-го полка, съ дивизиономъ облегченной батареи, есть не болѣе, какъ средство *пассивное* къ парированію обхода. вмѣсто него можно было бы употребить другое, *активное*: выдвинуть 4-й полкъ вправо и атаковать имъ обходящія войска. Сравнивая всевозможныя активныя и пассивныя средства, *въ теоріи*, слѣдуетъ отдавать предпочтеніе первымъ, по тѣмъ выгодамъ, которыя они представляютъ въ нравственномъ отношеніи. Если мы на этотъ разъ предпочли пассивное активному, то только потому, что въ условіи задачи было введено, что на сторонѣ непріятеля находится значительное превосходство въ силахъ.

Непріятель продолжаетъ распространяться влѣво, съ цѣлію охватить правый флангъ 4-го полка. (См. фигуру 4-ю.) Въ то же время онъ усиленно атакуетъ лѣсъ, и ему удалось скрытно обойти нашъ лѣвый флангъ и встать въ положеніе аа. Обходъ этотъ нами замѣченъ въ то время, когда непріятель находился отъ насъ въ разстояніи полуторы версты. вмѣстѣ съ тѣмъ показались головы нашихъ подкрѣпленій. Вслѣдствіе этого 2-й полкъ получилъ приказаніе, со 2-мъ дивизиономъ облегченной батареи, стать уступомъ назадъ, правѣ 4-го полка; 3-й полкъ—занять, вмѣстѣ съ стрѣлковымъ баталіономъ, лѣсъ, а 1-й полкъ, съ батареейной батареей—стать на лѣвомъ флангѣ, для прикрытія пути отступленія. Вся дивизія вытягивается въ одну линію безъ резерва, къ чему ее вынуждаетъ непріятель, который, благодаря своему значительному превосходству, атакуетъ на всѣхъ пунктахъ. Да притомъ подобное растянутое построеніе оказывается вполне законнымъ, потому что нашъ резервъ подходитъ.

До прибытія подкрѣпленій численный перевѣсъ былъ на сторонѣ непріятеля. Предположимъ, что съ прибытіемъ дивизіи

силы уравновѣсились. Хотя бы въ численномъ отношеши силы и были равны, но мы вправѣ себя считать сильнѣе противника, потому что наши силы сосредоточены, а неприятельскія растянуты. При этомъ условіи, мы можемъ перейти отъ обороны къ наступленію, направивъ главную атаку противъ неприятельскаго центра, какъ слабѣйшаго пункта всякаго растянутого расположенія. Независимо отъ того, что это пунктъ слабѣйшій въ позиціи неприятеля, онъ въ то же время есть и важнѣйшій (стратегическій ключъ позиціи), потому что здѣсь проходитъ путь отступленія неприятеля; атака же въ большей части случаевъ ведется на важнѣйшій пунктъ неприятельскаго расположенія. Имѣя въ виду, что внезапность есть лучшій изъ способовъ подготовки атаки, слѣдуетъ вновь прибывшую дивизию стануть за лѣсомъ по бригадно въ резервный порядокъ, затѣмъ вдругъ выдвинуть ее частію черезъ лѣсъ, частію по сторонамъ его и атаковать неприятеля.

Въ видахъ обезпеченія успѣха контръ-атаки на центръ неприятеля и прикрытія фланговъ атакующихъ войскъ, слѣдуетъ произвести одновременно обоими флангами двѣ ложныя атаки. Само собою разумѣется, что войска, закрытыя атакующими войсками, свертываются въ резервный порядокъ и слѣдуютъ за послѣдними или располагаются за лѣсомъ, который долженъ быть сильно занятъ на случай неблагоприятнаго исхода атаки.

Въ случаѣ успѣха контръ-атаки, преслѣдованіе разбитаго неприятеля можно предоставить кавалеріи и затѣмъ атаковать фланги неприятеля и разбить ихъ по частямъ. Мы не будемъ продолжать предположеній, потому что сдѣланнымъ нами исполнѣе достаточно, чтобы показать, въ каковъ мѣрѣ боевой порядокъ видоизмѣняется въ зависимости отъ обстановки. Для окончательнаго же уясненія этого вопроса возьмемъ нѣсколько такихъ обстановокъ, которыя приводятъ къ формамъ боеваго порядка, особенно рѣзко отличающимся другъ отъ друга. Но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о такъ называемомъ *обратномъ порядкѣ*, вѣрнѣе: о свободномъ размѣщеніи частей въ боевомъ порядкѣ, независимо отъ ихъ нумеровъ, размѣщеніи, допущенномъ нами въ рѣшеніи задачи (на лѣвомъ флангѣ 1-й полкъ, правѣ его 3-й полкъ, стрѣлковый баталіонъ, далѣе 4-й, и, наконецъ, на правомъ флангѣ 2-й полкъ).

При построеніи въ боевой порядокъ первымъ условіемъ слѣдуетъ поставить: *возможно-скорѣйшее изоможеніе къ бою*. Къ

осуществленію этого условия въ особенностяхъ способствовуетъ именно вполне свободное размѣщеніе частей; независимо отъ ихъ номеровъ: иначе, пришлось бы потерять много времени, а время слишкомъ дорогой элементъ на войнѣ, чтобы тратить его на подобнаго рода пустой формализмъ. Не все ли равно, который изъ полковъ будетъ на правомъ флангѣ, 1-й или 4-й, лишь бы только непріятель былъ разбитъ; но для всего этого необходимо, чтобы независимость отъ номеровъ частей, равно какъ и полная свобода въ выборѣ, сообразно съ потребностію, той или другой формы, введены были въ уставъ, и чтобы войска и начальники были къ нимъ приучены, короче: чтобы это было для нихъ дѣломъ привычнымъ. Въ какой степени сильно дѣйствуетъ на войска привычка, превосходнымъ подтвержденіемъ служитъ слѣдующій эпизодъ изъ сраженія при Неервишенѣ (1793 г.). 2-й баталіонъ, по выходѣ изъ селенія, выстроился на правомъ флангѣ 1-го. *Это непривычное положеніе показалось для людей до того несноснымъ, что 2-й баталіонъ, подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, прошелъ позади 1-го и сталъ на лѣвомъ его флангѣ.* Фридрихъ Великій съ полнымъ уваженіемъ относился къ дѣйствию силы привычки. Разбирая разнаго рода построенія, онъ говоритъ, между прочимъ, что „во всякомъ случаѣ выгодыѣ прибѣгать къ формѣ построенія, къ которой приучены войска, чѣмъ хотя и къ болѣе удобной, но не столь привычной для нихъ“. Чтобы не заставить войска Шверина, подъ Прагою (1757 г.), драться въ порядкѣ для нихъ непривычномъ (въ обратномъ), онъ рѣшился даже потерять время на измѣненія этого порядка посредствомъ контръ-марша. Правда, что потеря времени не могла имѣть вредныхъ послѣдствій, да и самое перестроеніе въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля могло быть исполнено съ безопасностію, потому что Фридрихъ имѣлъ дѣло съ арміею неподвижною и, притомъ, запертою въ крѣпкой позиціи.

Все это приводитъ къ такому заключенію, что *войска не слѣдуетъ стѣснять какими-либо предвзятыми порядками, а, напротивъ того, приучать ихъ ко всякому* и къ всякому порядку, въ которомъ они могутъ быть употреблены, и къ всякому маневру, въ которомъ они могутъ быть употреблены.

Задачи 2-я и 3-я. Предположимъ, что отряду вышеприведеннаго состава (13 баталіоновъ и 24 орудія), по условіямъ, окружающимъ бой, пришлось построиться именно въ тотъ боевой

порядокъ, который нашимъ уставомъ принятъ теперь за *нормальный*. Предположимъ далѣе, во 2-й задачѣ, что неприятель находится на разстояніи пушечнаго выстрѣла и притомъ особенно силенъ въ артиллеріи, а въ 3-й, что главная его сила заключается въ кавалеріи; при всѣхъ, впрочемъ, остальныхъ одинаковыхъ условіяхъ. Посмотримъ, въ какія формы долженъ будетъ перелиться въ томъ и въ другомъ случаѣ первоначальный боевой порядокъ. (См. фиг. 5 и 6.)

Рѣшеніе 2-й задачи (фиг. 5) приводится къ принятію того порядка построения, въ которомъ войскамъ приходилось бы, по возможности, меньше терпѣть отъ неприятельскаго огня. Для этого ротныя колонны, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ укрытій, развертываются, и размыкаютъ ряды шеренги. Баталіонныя колонны (частныя резервы) отводятся назадъ еще шаговъ на 300 и болѣе и развертываются; главный резервъ отводится также назадъ.

Рѣшеніе 3-й задачи (фиг. 6). Такъ какъ неприятельская кавалерія удалена на разстояніе пушечнаго выстрѣла, то представляется достаточно времени къ тому, чтобы собрать ротныя колонны въ колонны къ атакѣ; перестроить послѣднія въ каре и выдвинуть ихъ передъ линію батарей шаговъ на 50. Колонны къ атакѣ частныхъ резервовъ сближаются съ войсками боевой части шаговъ на 200 и ближе, принимаютъ шахматное расположеніе въ отношеніи къ послѣднимъ, причемъ два средніе баталіона развертываются. Какъ видно, линія частныхъ резервовъ уничтожается въ смыслѣ резерва: она вся поступаетъ въ боевую часть. Главный резервъ сближается съ боевою частію.

Вообще, условія 2-й задачи требуютъ принятія толстыхъ строевъ и увеличенія глубины боеваго порядка. Условія 3-й задачи требуютъ совершенно противнаго — массивованія войскъ, уменьшенія глубины боеваго порядка. Для того, чтобы меньше терпѣть отъ неприятельскаго огня, баталіоны частныхъ резервовъ, независимо отъ отвода ихъ назадъ, расположены въ развернутомъ строѣ. Этой цѣли можно достигнуть и иначе, разведя роты изъ колонны къ атакѣ или же, оставивъ ихъ въ колоннѣ къ атакѣ, передвигать въ стороны, съ тѣмъ, чтобы не представлять постоянной мишени неприятелю. Если въ рѣшеніи 3-й задачи измѣнить одно изъ условій и предположить, напримѣръ,

что кавалерія налетѣла внезапно на пѣхоту, то, въ зависимости отъ степени этой внезапности, въ зависимости отъ разстоянія, на которомъ замѣчено было приближеніе кавалеріи, можно будетъ, при достаточномъ времени, убрать стрѣлковъ, перестроить ротныя колонны въ ротныя каре, выдвинуть ихъ впередъ, для прикрытія линіи батарей; и въ то же время эшелонировать ихъ. Батальоны, частныя резервы, сближаются съ передними частями, строятъ батальонныя каре и принимаютъ, относительно впереди стоящихъ частей, шахматное расположеніе. При недостаткѣ времени, стрѣлкамъ придется построиться въ кучки; то же можетъ быть сдѣлано и ротными колоннами боевой части. Главный резервъ сближается съ войсками боевой части и сохраняетъ въ большей части случаевъ свой прежній порядокъ построенія. При дѣйствіи же на обширныхъ равнинахъ противъ непріятеля, котораго главная сила заключается въ многочисленной кавалеріи, когда атака можетъ угрожать со всѣхъ сторонъ, приходится и резервъ перестраивать въ порядокъ, способствующій къ отраженію кавалерійскихъ атакъ; напримеръ, если предположимъ въ резервѣ бригаду съ батареею, то получится форма построенія кругообразная, фронтомъ наружу (см. фиг. 7). Генералу Бонапарте приходилось строить подобнымъ образомъ въ Египтѣ цѣлыя дивизіи. Въ сраженіи подъ Пирамидами вся французская армія была построена въ пять подобныхъ каре, каждое изъ цѣлой дивизіи. Каре были эшелонированы съ обоихъ фланговъ. Лѣвый флангъ боеваго порядка примыкалъ къ рѣкѣ Нилу, а правый къ селенію. Въ сраженіи при горѣ *Таворъ*, Клеберъ построилъ свою небольшую дивизію въ два каре, взаимно фланкирующихся. Его окружаютъ 20,000 турецкой конницы. Бонапарте, приближающійся къ нему на помощь, строитъ три каре, эшелонированныя съ обоихъ фланговъ, и даетъ имъ такое направленіе, чтобы, вмѣстѣ съ кареями Клебера, охватить главныя силы непріятеля. Наконецъ, при *Исм* (въ Алжиріи), маршалъ Бюжо, двигавшійся въ двухъ параллельныхъ колоннахъ, перестраиваетъ для боя каждый батальонъ въ каре и располагаетъ ихъ въ каждой изъ колоннъ уступами изъ центра, черезъ что изъ всего отряда образовался обширный ромбъ, внутри котораго находились кавалерія, обозъ и артиллерія.

Задача 4-я. Отрядъ изъ бригадъ пѣхоты съ батареею (6 баталіоновъ, 8 орудій) нечаянно напасть на непріятеля, вовсе не готоваго къ бою. Показать боевое расположеніе этого отряда.

Рѣшеніе. Три баталіона въ одну линію съ батареею, дивизионно впереди интерваловъ между баталіонами, назначаются для нападенія на непріятеля съ фронта; два направляются на его фланги и наконецъ одинъ въ тылъ, для захвата его пути отступленія. Какъ уже выше было замѣчено, въ виду непріятеля, не готоваго къ бою, всякое построеніе хорошо, лишь бы только не была упущена благоприятная минута. Атаковать непріятеля со всѣхъ сторонъ въ этомъ случаѣ особенно выгодно въ тѣхъ видахъ, чтобы распространить тревогу, усилить степень внезапности. Часть отряда должна быть направлена въ тылъ, для захвата бѣгущихъ. Желательно было бы, чтобы движеніе этихъ отдѣльныхъ частей было разсчитано такъ, чтобы онѣ могли появиться одновременно передъ непріятелемъ.

Итакъ, выходитъ, что, въ разбираемомъ случаѣ, наиболее выгоднымъ боевымъ порядкомъ оказывается построеніе всего отряда въ одну линію, вовсе безъ резерва и, притомъ, въ видѣ линіи *кругообразной, фронтомъ внутрь*.

Подобный же боевой порядокъ, въ одну линію, безъ резерва, отвѣчаетъ построенію войскъ для производства послѣдней рѣшительной атаки (*coup de collier*), когда успѣхъ ея уже окончательно подготовленъ и непріятель вполне разстроень.

Такое же рѣшеніе вопроса получится въ случаѣ значительнаго нашего превосходства въ матеріальномъ и особенно въ нравственномъ отношеніи (Вашь-Кадыгъ-Ларъ, Кюрюкъ-Дара и проч.).

Задача 5-я. Построить дивизию пѣхоты съ ея артиллерією для производства одной изъ подготовительныхъ атакъ.

Рѣшеніе. Войска строятся въ нѣсколько линій разомкнутыхъ баталіоновъ, одна за другою, на небольшихъ интервалахъ и дистанціяхъ, потому что къ атакѣ приступаютъ лишь тогда, когда непріятель уже ослабленъ въ огнѣ.

До сихъ поръ элементъ *мѣстности* въ рѣшеніи вышеназванныхъ задачъ былъ введенъ въ весьма слабыхъ размѣрахъ. Полное изслѣдованіе этого вопроса (о вліяніи мѣстности на расположеніе, движеніе и дѣйствіе войскъ) выходитъ изъ пре-

дѣловъ нашей статьи. Здѣсь же, при разборѣ вопроса о боевых порядкахъ, о гибкости формъ построения войскъ для боя, достаточно будетъ замѣтить пока, что влияние это весьма обширно; что, разь, какъ расположеніе войскъ для боя должно быть строго приурочено къ мѣстности, войска и мѣстность должны какъ бы дополнять другъ друга, и какъ мѣстность разнообразна до безконечности, до того, что въ природѣ нельзя встрѣтить двухъ совершенно одинаковыхъ позицій (*), то уже подъ влияніемъ одного этого условія, независимо отъ другихъ, разобранныхъ выше, и форма построения войскъ для боя должна была быть гибка до безконечности. Такъ, на примѣръ, располагаясь на мѣстности, доступной по всѣмъ направленіямъ, придется держать войска болѣе сосредоточенно (на баталіонъ шаговъ около 500, на полкъ около 800—1,000, на дивизію около одной версты, на корпусъ изъ трехъ дивизій пѣхоты и одной кавалерійской отъ двухъ до трехъ верстъ (**); на мѣстности, къ которой ведетъ только нѣсколько доступовъ — шире; на мѣстности стѣсненной, въ дефиле (Марафонъ, Арколе), боевой порядокъ будетъ имѣть ничтожную ширину и значительную глубину. Варіацій на эту тему множество; онѣ уходятъ въ безконечность.

Главное положеніе о безконечномъ разнообразіи формы построения войскъ для боя, какъ кажется, достаточно подтверждается вышеприведенными изслѣдованіями. И дѣйствительно, все, начиная съ нравственныхъ качествъ войскъ до самаго ничтожнаго обстоятельства, до какого-нибудь незначительнаго мѣстнаго предмета, обнаруживаетъ на нихъ влияние. Войска храбры—можно дѣйствовать смѣлѣе, уменьшается потребность въ резервѣ; уменьшается вмѣстѣ съ тѣмъ и глубина построения—можно допустить болѣе растянутое расположеніе. Войска мало надежны, составлены, на примѣръ, изъ набербованнаго сброда—

(*) „О мѣстности можно сказать то же, что и о фizioноміяхъ — говорить Ллойдъ—на всемъ свѣтѣ нельзя найти двухъ фizioномій совершенно похожихъ. Точно также нельзя найти и двухъ мѣстностей, которыя, на известномъ пространствѣ, были бы совершенно одинаковы и къ которымъ, слѣдовательно, можно было бы примѣнить одни и тѣ же укрѣпленія или одни и тѣ же распоряженія.“

(**) Относительно цифръ слѣдуетъ разь навсегда замѣтить, что онѣ имѣютъ въ тактикѣ значеніе въ высшей степени условное, и если приводятся, то единственно только въ видахъ болѣе нагляднаго охарактеризованія дѣла. Такимъ образомъ, иногда оказывается вполне законнымъ, на примѣръ, когда приходится драться на плотинахъ, если дивизія занимаетъ нѣсколько шаговъ по фронту, а иногда, на примѣръ при оборонѣ рѣки, она можетъ занимать и десять верстъ.

разбрасываться опасно, необходимъ строгій надзоръ, приходится держаться въ массѣ. По всей вѣроятности, это была одна изъ главныхъ причинъ, заставившая Фридриха держаться почти сплошнаго боеваго порядка и отказаться отъ гибкости и подвижности прерывчатаго порядка. Та же причина вынудила Тилли и Валленштейна къ безобразному массивованію войскъ (терція въ 5,000). Разница въ формѣ массы Фридриховской эпохи и эпохи Валленштейна обусловливается только состояніемъ огнестрѣльнаго оружія въ эти два періода. Напротивъ того, въ шведской арміи Густава-Адольфа, составленной изъ національныхъ войскъ, воодушевленныхъ превосходнымъ духомъ, держались прерывчатого построения; боевой порядокъ состоялъ изъ отдѣльныхъ малыхъ тактическихъ единицъ. Марій, вводя въ строй легіона элементъ сомнительнаго качества — рабовъ, тотчасъ же находитъ необходимымъ обратиться къ массивованію войскъ и вводитъ, взамѣнъ небольшихъ манипулъ (отъ 60 до 120 чел.), болѣе крупную тактическую единицу — ногорту (въ 300 чел.). Выполнѣ то же примѣняется и теперь къ выбору строя для атаки, въ зависимости отъ нравственныхъ условий: или колонны къ атакѣ, или батальоны, построенные въ ротныя колонны. Если войска и начальники надежны, воодушевлены единодушіемъ, проникнуты святостію круговой поруки, ихъ смѣло можно вести въ атаку въ ротныхъ колоннахъ; если же они малонадежны, единодушіе слабо, то слѣдуетъ помогать отсутствію единодушія механическими средствами, и тогда лучше сплотить ихъ въ массу и вести въ атаку въ батальонныхъ колоннахъ. Войска стойкіе, въ высшей стѣпени хладнокровны, короче: обладаютъ врожденными качествами англійскаго солдата—отбивайте атаку огнемъ развернутаго строя, само собою разумѣется, при благопріятныхъ къ тому мѣстныхъ условіяхъ. Войска страдаютъ отсутствіемъ выдержки и избыткомъ жара въ крови, подобно французскому солдату—притѣхъ же условіяхъ, встрѣчайте атаку контръ-атакою въ колоннахъ. Наконецъ, мѣстность, цѣль дѣйствій (вліяніе этихъ условій на формы построения указано было выше; здѣсь имѣлось въ виду поставить только на видъ зависимость между формами и нравственными качествами войскъ), все это видоизмѣняетъ боевой порядокъ на безконечное число ладовъ; какъ въ томъ легко убѣдиться изъ весьма ограниченнаго числа выше разобранныхъ случаевъ. Какія тамъ не получались формы: и растянутая въ

одну линію, и глубокая, въ нѣсколько линій, даже вытянутая въ глубину, въ родѣ веревки (Арколе), и кругообразная фронтомъ внаружу, и кругообразная фронтомъ внутрь и въ видѣ ромба (Исли), наконецъ уступная, шахматная (*)... И нельзя сказать, чтобы одна была хуже или лучше другой, *а каждая изъ нихъ хороша въ свое время и на своемъ мѣстѣ.*

При всемъ томъ, какъ бы формы ни были безконечно разнообразны, *духъ боеваго порядка, его идея повсюду одна и та же.* Стоитъ только сравнить между собою двѣ самыхъ разнообразныхъ формы, чтобы убѣдиться въ томъ, что, въ каждой изъ нихъ, части расположены такъ, чтобы каждая изъ нихъ располагала достаточною инициативою, чтобы онѣ могли оказывать другъ другу самую дѣйствительную поддержку, какъ огнемъ, такъ и холоднымъ оружіемъ, чтобы онѣ обладали средствами для встрѣчи какихъ бы то ни было неожиданностей. Всѣ эти основныя условія выполнены въ каждой изъ формъ — по крайней мѣрѣ должны быть выполнены — но, въ зависимости отъ безконечно-разнообразныхъ измѣненій въ обстановкѣ, осуществлены въ каждой изъ нихъ на иной ладъ.

Прослѣдимъ теперь, въ какой мѣрѣ вышеприведенное положеніе о гибкости формы примѣняется къ кавалерійскому боевому порядку; но прежде необходимо ближе познакомиться съ его характеристическими особенностями.

III.

Кавалерійскій боевой порядокъ.

Характеристическія особенности формы кавалерійскаго боеваго порядка обуславливаются свойствами кавалеріи, хотя главная основная его идея вполне тождественна съ боевымъ порядкомъ пѣхоты и артиллеріи. Главное отличительное свойство кавалеріи — *подвижность, быстрота*, которою она въ значительныхъ размѣрахъ превосходитъ всѣ прочіе роды войскъ. Отсюда къ дѣйствіямъ ея возможно примѣненіе, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, элемента *внезапности*, вслѣдствіе чего кавалерійскій бой окруженъ бездною случайностей. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще, что кавалерія скорѣе другихъ родовъ

(*) Все это приводится не для того, чтобы придавать какое-нибудь значеніе этимъ эпитетамъ, какъ это дѣлалось съ крючками, висѣлицами, брошами, пилюю, а единственно только въ видахъ болѣе нагляднаго уясненія безконечной гибкости формы построенія войскъ для боя.

войскъ разстраивается и медленнѣе другихъ устраивается, какъ потому, что заносится на болѣе значительныя разстоянія (кавалерія, разъ пущенная въ атаку, не находится уже болѣе въ рукахъ своего начальника), такъ равно и потому, что матеріальная часть ея весьма сложна. Все это приводитъ къ особенно важному значенію въ этомъ родѣ войскъ, какъ то и указано было выше, *резерва*, т. е. *построенія глубокаго* (Вюрцбургъ, Лейпцигъ). Само собою разумѣется, что могутъ и должны быть случаи, когда и кавалерія въ бою можетъ совершенно обойтись безъ резерва, напримеръ: при нечаянныхъ паденіяхъ.

Боевая часть. Кавалерія способна только къ бою холоднымъ оружіемъ: это ея спеціальность. Успѣхъ же боя холоднымъ оружіемъ, независимо отъ выбора минуты, направленія и нравственнаго воодушевленія, зависитъ отъ быстроты и массы. Этимъ прежде всего обусловливается построеніе *боевой части*. Быстрота и масса противорѣчатъ другъ другу: Для того, чтобы помирить ихъ, принято постѣпенно усиливать аллюръ при атакѣ и производить ее въ стрѣй развернутомъ, въ которомъ эти два условія выгоднѣе всего сочетаются. Вотъ въ какомъ видѣ возможна масса въ боевой части. Каждый эскадронъ располагается на взводномъ интервалѣ, полки на двухъ взводныхъ интервалахъ другъ отъ друга. Вообще интервалы между частями кавалерійскаго строя не могутъ быть велики (потому что между кавалерійскими частями нѣтъ связи огня), да и не должны быть велики: иначе потерялась бы масса, одинъ изъ важныхъ элементовъ для успѣха атаки, и въ линіи кавалеріи образовались бы слабыя части, которыми непріятель могъ бы воспользоваться для прорыва ея. Съ другой стороны, какъ показываетъ опытъ, и безъ интерваловъ обойтись нельзя, потому что во время движенія быстрымъ аллюромъ, нетерпящимъ тѣноты, а, напротивъ того, требующимъ простора, ряды всегда нѣсколько раздаются; кромѣ того, лошади подъ огнемъ и отъ страха всегда жмутся одна къ другой, такъ что, при движеніи кавалерійской линіи въ атаку, въ ней всегда происходятъ нѣкоторыя волненія, стремленіе попеременно: то къ расширенію, то къ стѣсненію. Если бы между частями кавалеріи не оставляли интерваловъ, то, вслѣдствіе этого стремленія, въ линіи образовались бы толкотня и давка, которыя до того утомили бы людей и лошадей, что, въ моментъ удара, они не были бы

способны ни къ какому усилию; да и кромѣ того динія разорвалася бы и сама собою пришла бы въ такое разстройство, въ которое даже неприятелю едва удалось бы привести ее, какъ это и случилось съ французскою кавалеріею, атакующею въ сраженіи при Миендѣ безъ интерваловъ, стѣною (*en muraille*). Независимо отъ этого, интервалы приносятъ еще и ту пользу, что облегчаютъ командованіе и до нѣкоторой степени способствуютъ къ ускоренію сбора. Такимъ образомъ, теорія и боевой опытъ одинаково говорятъ въ пользу интерваловъ. Однако приведенному выше примѣру могутъ противопоставить весь Фридриховскій періодъ, богатый блестящими подвигами, совершенными кавалеріею, постоянно атакующею безъ интерваловъ. На это можно возразить: 1) тѣмъ, что успѣхи прусской кавалеріи въ семилѣтнюю войну объясняются не столько ея атаками *en muraille*, сколько качествами ея начальниковъ, ея превосходнымъ духомъ и устройствомъ и въ высшей степени неразумнымъ образомъ дѣйствій противопоставленной ей кавалеріи, полагавшей главную свою силу въ пальбѣ и употреблявшей медленные аллюры, и 2) что прусская кавалерія, по свидѣтельству Варнери, во время семилѣтней войны, атакуя *en muraille*, сплошною диніею, нерѣдко даже при успѣшныхъ атакахъ, принуждена была къ отступленію въ страшномъ безпорядкѣ. Все это, конечно, убѣждаетъ въ необходимости интерваловъ между частями кавалеріи; но спрашивается: какой величины должны быть интервалы? Мелкіе интервалы вредятъ быстротѣ движенія и не соотвѣтствуютъ своему назначенію; большіе опасны. Въ разныхъ арміяхъ вопросъ этотъ рѣшенъ различно. Въ прусской кавалеріи, подъ вліяніемъ воспоминанія о блестящихъ подвигахъ семилѣтней войны, интервалы между эскадронами полагаются въ четыре шага; въ англійской и французской—12 шаговъ; въ австрійской—12 шаговъ между дивизіонами (дивизіонъ въ 300 коней) (*); у насъ приняты взводные (20 шаговъ). Допускаемые нашимъ уставомъ взводные интервалы вполне достаточны и совершенно безопасны: достаточны потому, что при движеніи въ карьеръ на 100 шаговъ строй не можетъ, да и не долженъ, потерять въ такой степени сомкнутость, чтобы интервалы эти могли оказаться малыми; безопасны потому,

(*) Полявъ говоритъ, что въ австрійскихъ дивизіонахъ давка иногда доходила до того, что нерѣдко онъ съ лошадкою былъ приподнимаемъ на воздухъ, испытывая при этомъ страшную боль въ членахъ. (*Tactique de la cavalerie*, p. 162.)

что, при движеніи въ атаку, ряды, раздавшись въ обѣ стороны, въ минуту столкновенія уничтожаютъ интервалы и образуютъ сплошную линію; да наконецъ и охвату съ фланговъ и тыла частей линіи всегда можетъ съ успѣхомъ противо-дѣйствовать самая незначительная часть, поставленная назади. Само собою разумѣется, что опредѣленные уставомъ интервалы не могутъ быть постоянными, а должны измѣняться сообразно съ обстоятельствами: 1) *въ зависимости отъ свойствъ мѣстности*: на мѣстности ровной могутъ быть уменьшены, на мѣстности пересѣченной придется, напротивъ того, ихъ увеличить; 2) *въ зависимости отъ цѣли дѣйствій*: интервалы, а иногда и число ихъ увеличивается, чтобы скрыть силу кавалеріи (Зейдлицъ подъ Готою; 3) *въ зависимости отъ того, противъ какого рода кавалеріи приходится дѣйствовать*, т. е. противъ кавалеріи регулярной или иррегулярной. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ бою противъ иррегулярной кавалеріи, главная сила которой заключается въ одиночномъ бою, все вниманіе регулярной должно быть обращено на сохраненіе сомкнутости, которая, въ этомъ случаѣ, должна быть поставлена даже выше стремительности.

Слѣдовательно, вообще боевая часть кавалерійскаго боевого порядка, по свойствамъ этого рода войскъ, должна представлять длинную, почти сплошную, тонкую линію. Слабѣйшими ея точками являются фланги. Они до того слабы, именно вслѣдствіе тонкости линіи и ея сплошности, что, какъ показываетъ опытъ (Прага 1757), линіи изъ нѣсколькихъ десятковъ эскадроновъ были опрокидываемы самымъ незначительнымъ числомъ, нерѣдко даже однимъ какимъ-нибудь эскадрономъ. Вотъ почему умѣнье выиграть флангъ непріятеля хотя бы самою незначительною частію, съ такимъ притомъ расчетомъ, чтобы непріятелю не оставалось времени принять мѣръ къ парированію удара, всегда приводитъ къ блестящимъ успѣхамъ въ бою кавалеріи противъ кавалеріи. „Пятьдесятъ кавалеристовъ, атакующихъ съ фронта, менѣе опасны, чѣмъ три, направляющихся на флангъ“, говоритъ Фридрихъ.

Крайняя слабость фланговъ кавалерійской линіи и, съ другой стороны, особенная важность ихъ вынуждаютъ къ изысканію средствъ для обезпеченія оныхъ. Ближе всего для этого, казалось бы, можетъ служить *мѣстность*, возможность прислонить флангъ къ какому-нибудь мѣстному предмету; но, по

свойствамъ своимъ, по способности своей дѣйствовать только на мѣстахъ открытыхъ, ровныхъ или волнообразныхъ, кавалерія далеко не можетъ воспользоваться мѣстностію къ обезпеченію слабѣйшихъ частей своего расположенія, фланговъ, въ той мѣрѣ, какъ ею пользуется пѣхота. Для этого необходимо: во-первыхъ, чтобы мѣстный предметъ, прикрывающій флангъ, въ случаѣ, если онъ будетъ доступенъ, былъ занятъ пѣхотою или спѣшенною кавалеріею: иначе непріятель займетъ его, и кавалеріи придется отойти отъ него на разстояніе выстрѣла, и, во-вторыхъ, чтобы мѣстный предметъ прикрывалъ кавалерію не только когда она стоитъ на мѣстѣ, но и преимущественно во время движенія въ атаку. Даже и при соблюденіи этихъ условій кавалерія не приобрететъ особенныхъ выгодъ, если непріятель поведетъ атаку на противоположный открытый флангъ. Атака эта вынудитъ къ перемѣнѣ фронта, которая лишитъ флангъ обезпеченія, и мало того: преграда, прикрывавшая флангъ, послѣ перемѣны фронта, очутится въ тылу кавалерійской линіи, что, въ случаѣ неудачи и особенно когда преграда недоступна, можетъ поставитъ кавалерію въ самое невыгодное положеніе.

Изъ всего этого видно, что для обезпеченія слабыхъ частей своего боеваго расположенія, фланговъ, кавалерія только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ разсчитывать на содѣйствіе мѣстности, такъ что рѣшеніе этого вопроса придется искать инымъ путемъ: *въ самомъ способѣ построенія кавалеріи для боя. Въ себѣ самой должна она найти средства къ обезпеченію своихъ фланговъ.* Средства эти заключаются, во-первыхъ, въ расположеніи за открытымъ флангомъ, уступомъ назадъ, на разстояніи отъ 300 до 400 шаговъ (пространство, которе можетъ быть пройдено кавалеріею въ одну минуту *галопомъ*) небольшихъ частей, эскадроновъ или дивизионовъ въ колоннахъ, способныхъ къ быстрому развертыванію во всѣ стороны. Эти уступные эскадроны и дивизионы представляютъ ту выгоду, что, при всевозможныхъ перемѣнахъ мѣстъ и направленій, они *постоянно* слѣдуютъ за открытымъ флангомъ, и, наконецъ, представляя превосходную мѣру въ оборонительномъ смыслѣ, они являются таковою же и въ наступательномъ, служа и для нападенія на непріятельскій флангъ. Во-вторыхъ, другое средство къ обезпеченію фланговъ кавалерійской линіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ наведенію на непріятельскіе фланги, заключается въ *длинномъ*

построеніи, т. е. въ томъ, чтобы превосходить непріятеля длиною фронта боеваго порядка. Въ третьюхъ, такое расположеніе частей кавалерійской линіи, которое способствовало бы къ быстрой перемѣнѣ фронта, т. е. опять *устуны*.

Выше указано было на особенную важность резерва въ кавалеріи, т. е. построенія глубокаго. Теперь оказывается, что и построеніе длинное представляетъ важныя выгоды. Является вопросъ: какъ помирить эти два противорѣчія? Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ въ этомъ отношеніи являются опять уступы. Въ этой формѣ построенія соединяются выгоды растянутого и глубокаго расположенія. Задніе уступы, по отношенію къ переднимъ, составляютъ ихъ резервы, и затѣмъ изъ уступовъ въ самое короткое время можетъ быть восстановлена линія, въ различныхъ направленіяхъ. Вообще, по свойствамъ кавалеріи, по характеру ея боя, эта форма построенія представляетъ особенно важныя выгоды для нея и встрѣчается весьма частое примѣненіе. Выгоды обезпеченія фланговъ, соединенія преимуществъ длиннаго и глубокаго построенія, возможность быстрой перемѣны фронта, вслѣдствіе чего и развитіе элемента внезапности въ широкихъ размѣрахъ, идея выигрыша времени (линія изъ какого бы то ни было числа эскадроновъ можетъ быть опрокидута однимъ ударомъ: стоитъ только построить ее уступами; для этого понадобится столько же атакъ, сколько будетъ уступовъ), все это находитъ самое полное осуществленіе въ уступной формѣ.

Величина уступовъ опредѣляется обстоятельствами боя (обыкновенно отъ эскадрона до полка, иногда и болѣе). *Дистанціи* между ними, такъ какъ задніе уступы являются въ видѣ резервовъ относительно переднихъ, опредѣляются тѣмъ соображеніемъ, чтобы задніе могли своевременно поддержать переднихъ. Онѣ обыкновенно равняются тому разстоянію, которое кавалерія проходитъ въ одну минуту, двигаясь галопомъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда къ уступамъ обращаются какъ къ построенію, способствующему къ ускоренію перемѣны фронта, дистанціи между уступами опредѣляются инымъ соображеніемъ, именно тѣмъ, чтобы, по исполненіи завѣда каждымъ уступомъ, получить развернутую линію, въ томъ видѣ, какъ она требуется характеромъ кавалерійскаго боя. Въ этомъ случаѣ онѣ должны быть равны величинѣ каждаго изъ уступовъ, съ добавленіемъ интерваловъ между ними.

Общій видъ построения боевой части кавалерійскаго боеваго порядка (положимъ, для бригады въ 8 эскадроновъ) будетъ имѣть слѣдующій видъ:

1) Когда оба фланга открыты. (См. фиг. 8.)

2) Когда одинъ изъ фланговъ обезпеченъ, положимъ мѣстностію, то уступные дивизионы располагаются за противоположнымъ.

3) Когда одинъ изъ фланговъ обезпеченъ мѣстностію, а другою расположениемъ хотя пѣхоты. (См. фиг. 9.)

(Само собою разумѣется, что эскадроны боевой части развертываются только въ минуту, непосредственно предшествующую движенію въ атаку: иначе, лучше ихъ держать въ колоннахъ, способныхъ къ быстрому развертыванію во всѣ стороны, т. е. во взводныхъ или дивизионныхъ изъ середины.)

Резерв. Форма построения, наиболѣе отвѣчающая назначенію резерва, есть сосредоточенная. Для эскадрона — взводная колонна; для дивизиона — колонна изъ середины; для полка — сомкнутая эскадронная колонна; для бригады — оба полка, имѣя головы полковъ на линіи построенныя въ сомкнутыя эскадронныя колонны, правый (по уставу старшій) въ колоннѣ слѣва, лѣвый (по уставу младшій) въ колоннѣ справа, на разстояніи 40 шаговъ другъ отъ друга. Батарея въ 40 шагахъ за серединою въ дивизионной колоннѣ изъ середины. Для дивизіи — каждая изъ бригадъ въ вышеприведенномъ порядкѣ, на 40 шагахъ дистанціи одна отъ другой. Артиллерія позади въ 40 шагахъ, каждая батарея въ дивизионныхъ колоннахъ изъ середины.

При совокупномъ построении значительнаго числа кавалеріи, независимо отъ главнаго резерва, располагаемаго сосредоточенно, подобно тому, какъ и въ пѣхотѣ, отдѣляются еще, для непосредственной поддержки боевой части, частные резервы, по той же самой причинѣ, какъ и въ пѣхотѣ, ошибочно называемые второю линіею. Дистанціи между частными резервами и главнымъ, равно какъ и между боевою частію (считая отъ уступныхъ дивизионовъ) и частными резервами, по причинѣ вышеизложенной, полагаются въ 400 шаговъ.

Для опредѣленія выгоднѣйшей формы расположенія частныхъ резервовъ необходимо представить себѣ ходъ кавалерійскаго боя. Онъ состоитъ въ безпрерывной перемѣнѣ фронта и смѣны частей (вообще самыя важныя изъ эволюцій въ кавалеріи это: деплоированіе, перемѣна фронта, смѣна частей и

сборъ). Частные резервы должны быть расположены такъ, чтобы, обеспечивая фланги боевой части, они могли смѣнить ее въ кратчайшее время, при какихъ бы то ни было условіяхъ. Прежде у насъ принято было располагать ихъ въ дивизионныхъ колоннахъ изъ середины за соотвѣтствующимъ интерваломъ боевой части, и уставомъ даны были правила для смѣны частей, основанныя на стройномъ и согласномъ движеніи обѣихъ линій, какъ смѣняемой, такъ и смѣняющей. Правила эти непрактичны и исполнимы только при томъ предположеніи, что обѣ линіи сохранили порядокъ (въ этомъ случаѣ не къ чему и смѣнять переднюю линію), между тѣмъ какъ въ бою приходится обыкновенно смѣнять боевую часть, когда она находится въ крайнемъ разстройствѣ. На этомъ послѣднемъ предположеніи и должны быть построены тактикою правила для смѣны частей и для расположенія частныхъ резервовъ. Основываясь на этомъ, формою расположенія, наиболѣе отвѣчающею назначенію частныхъ резервовъ, оказывается уступная относительно боевой части, при чемъ каждый полкъ—въ сомкнутой эскадронной колоннѣ. При этомъ условіи, въ какомъ бы безпорядкѣ передняя линія ни отходила назадъ, она не сомнетъ частныхъ резервовъ, которые сохранять полную возможность, во всякомъ случаѣ, оказать ей самую дѣйствительную поддержку, ударивъ во флангъ преслѣдующаго непріятеля. Если же расположить ихъ въ дивизионныхъ колоннахъ изъ середины за интервалами передней линіи, то, при стеченіи только особенно благоприятныхъ условій (*), онѣ могли бы развѣ только встрѣтить непріятеля фронтальною атакою. Очевидно, на сколько послѣднее расположеніе уступаетъ первому, и что оно можетъ быть допускаемо только въ видѣ изъятія, именно когда на флангахъ не представляется мѣста, т. е. когда оба они обезпечены или мѣстностію, или расположеніемъ другихъ войскъ.

Посмотримъ теперь, въ какія разнообразныя формы, въ зависимости отъ обстановки, будетъ переливаться только что охарактеризованный общій типъ кавалерійскаго боеваго порядка.

Задача 1. (См. фиг. 10.) Предположимъ, что дивизія (6

(*) Условія эти: чтобы отступающія части передней линіи не смяли заднихъ, а прошли въ промежуткахъ между ними, чтобы онѣ очистили передъ ними мѣсто заблаговременно, но съ тѣмъ расчетомъ по крайней мѣрѣ, чтобы смѣняющіяся части новой линіи могли встрѣтить преслѣдующаго непріятеля хоть атакою съ мѣста.

полковъ—24 эскадрона и 2 конныя батареи), приготовляясь къ бою, расположилась въ порядкѣ, предлагаемомъ уставомъ въ видѣ нормальнаго. Мѣстность ровная и открытая. Далѣе предположимъ, что дивизія должна *атаковать* лѣвый флангъ непріятеля. Посмотримъ, на сколько, вслѣдствіе того, придется измѣнить первоначальную ея форму построения.

Рѣшеніе. Для подготовки атаки, батарея выдвигается передъ лѣвый флангъ боеваго порядка; уступной дивизионъ (VI-го полка) перемѣщается нѣсколько влѣво и впередъ для лучшаго прикрытія батареи, при чемъ, чтобы менѣе терпѣть отъ непріятельскаго огня, можетъ развернуться; право-фланговый уступной дивизионъ (V-го полка) продолжаетъ боевой порядокъ вправо; его мѣсто займетъ III-й полкъ, перестроившись для этого въ дивизионныя колонны изъ середины. Резервъ сближается съ правымъ флангомъ.

Задача 2-я. (См. фиг. 11.) Дивизія, построенной въ томъ же первоначальномъ порядкѣ, угрожаетъ атака противъ лѣваго фланга. Непріятель подходитъ въ направленіи *aa'*. Принять мѣры къ парированію этого удара.

Рѣшеніе. Въ этомъ случаѣ придется выдвинуть на лѣвый флангъ батарею; боевою частію исполнить перемѣну на $\frac{1}{8}$ часть круга правымъ флангомъ впередъ (можно также угрожаемый флангъ откинуть уступомъ назадъ и потомъ уже изъ уступовъ сдѣлать перемѣну фронта) или выдвинуть частный резервъ (IV-й полкъ), развернуть его на ходу и взять атакующаго непріятеля во флангъ, а еще лучше сдѣлать и то и другое, какъ показано на чертежѣ.

Задача 3-я. (См. фиг. 12.) Бригадѣ (8 эскадроновъ) приказано удерживать наступленіе непріятеля, показывающаго видъ атаковать съ фронта и съ лѣваго фланга. Принять соотвѣтствующее построеніе.

Построеніе уступнаго порядка *справа*, показанное на чертежѣ, удовлетворяетъ цѣли.

Задача 4-я. (См. фиг. 13.) Поставить бригаду съ батареею въ такомъ порядкѣ, который давалъ бы ей возможность отбить ударъ съ фронта и на оба фланга.

Этому условію соотвѣтствуетъ уступной порядокъ *изъ центра*.

Задача 5-я. Показать порядок отступления кавалерійской бригады.

Форма построения, наиболее отвѣчающая подобной цѣли, будетъ или уступная, или шахматная. Первой слѣдуетъ отдать предпочтеніе, потому что шахматная форма есть, собственно говоря, недоведенная до конца уступная форма, первый шагъ для перехода отъ построения въ одну линію къ уступной формѣ. Занимая середину между тою и другою формою, она является въ видѣ формы, недостигающей выгодъ ни той, ни другой изъ упомянутыхъ формъ.

Таковы измѣненія въ первоначальномъ порядкѣ построения кавалеріи для боя, въ зависимости отъ *цѣли дѣйствій*.

Измѣненія, которыя могутъ произойти въ порядкѣ построения кавалеріи для боя, въ зависимости отъ *свойствъ мѣстности*, отчасти указаны выше, при охарактеризованіи общаго типа кавалерійскаго боеваго порядка, именно: расположеніе уступныхъ дивизионовъ за однимъ изъ фланговъ, когда другой обезпеченъ мѣстностію, расположеніе частныхъ резервовъ за соотвѣтствующими интервалами боевой части, когда мѣстность на флангахъ стѣснена. Еслибъ въ первой задачѣ предположить, что впереди, вправо отъ мѣста построения дивизіи въ приготовительный для боя порядокъ, находится лѣсъ, деревня, высота, то этимъ обстоятельствомъ можно было бы воспользоваться, чтобы или весь резервъ, или часть его скрытно бросить на флангъ непріятеля. Иногда кавалеріи приходится дѣйствовать на мѣстности до такой степени стѣсненной (по шоссе, дорогамъ и проч.), что ей приходится обращаться къ самымъ глубокимъ построениямъ и атаку производить даже въ колоннахъ, имѣющихъ узкій фронтъ, по шести, какъ то было при Сомо-Сиеррѣ, Дембе-Вельке и проч.

Что касается до *нравственныхъ условий*, до ихъ вліянія на построение кавалеріи для боя, то здѣсь вполне примѣнимо то, что было сказано о цѣхотѣ. Для кавалеріи, воодушевленной превосходнымъ духомъ, можно допускать болѣе растянутое расположеніе; малонадежной придется преимущественно держаться въ массѣ. Не это ли было одною изъ главныхъ причинъ того массивованія кавалеріи, которое иногда позволялъ себѣ Наполеонъ послѣ похода 1812 года, какъ, напримѣръ, подъ Лейпцигомъ?

Обращаемся къ зависимости формы построения отъ положенія, въ которомъ находится противникъ. Положимъ, что намъ удалось напасть на него неожиданно. Тутъ всѣ порядки хороши (Мольвицъ), лишь бы только не упустить благоприятныхъ минутъ, которыя, по особенной подвижности кавалеріи, въ бою быстро представляются и еще быстрѣе исчезаютъ. Умѣнье удочить минуту и тотчасъ же ею воспользоваться, въ какомъ бы порядкѣ кавалерія ни находилась, составляетъ одну изъ весьма важныхъ качествъ въ кавалерійскомъ начальникѣ.

Порядокъ построения кавалеріи для боя, въ зависимости отъ рода противника. Для дѣйствія противъ кавалеріи порядокъ тотъ разобранъ выше. При построении кавалеріи для боя противъ пѣхоты, главными условіями являются короткій фронтъ (*) и возможность частаго повторенія ударовъ, чтобы не допустить пѣхоту, встрѣтившую кавалерію залпомъ, снова зарядить ружья. Противъ артиллеріи—тонкое построение и увеличеніе глубины боеваго порядка. Въ бою регулярной кавалеріи противъ иррегулярной, первая должна стараться держаться въ массѣ, или вовсе не допуская интерваловъ, или допуская весьма незначительные, заслоняя ихъ притомъ небольшими кавалерійскими частями, расположенными назади. Поминію Нолана, регулярная кавалерія должна поставить себѣ главною цѣлію сохраненіе массы, даже до того, что не употреблять при атакѣ аллюра свыше рыси. Иррегулярная кавалерія должна, напротивъ, направить всѣ свои усилія къ тому, чтобы заставить регулярную потерять массу, и затѣмъ завязать съ нею бой, одинъ на одинъ.

Вообще къ кавалерійскому боевому порядку буквально примѣняется то же, что замѣчено было относительно пѣхотнаго, т. е. что въ зависимости отъ мѣстности, нравственныхъ качествъ, рода, характера противника, положенія, въ которомъ послѣдній находится, въ зависимости отъ цѣли дѣйствій и прочихъ условій, составляющихъ обстановку боя, онъ по формѣ подлежитъ бесконечно-разнообразнымъ измѣненіямъ; по духу же своему, но идея она неизмѣненъ. Сравнительно съ пѣхотнымъ, въ кавалерійскомъ боевомъ порядкѣ проявляется, если можно такъ выразиться, еще большая игривость въ измѣненіяхъ его, въ его переливахъ изъ одной формы въ другую,

(*) При дѣйствіи противъ пѣхоты приходится каждое кари атаковать отдѣльно. Однимъ ударомъ, какъ то нѣрѣдко достигается въ бою противъ кавалеріи, трудно сломать боевой порядокъ пѣхоты.

что, конечно, ближе всего объясняется особенною подвижностью этого рода войскъ, а слѣдовательно и особенною подвижностью обстановки, равно какъ и самаго кавалерійскаго боя.

IV.

Боевой порядокъ всѣхъ трехъ родовъ войскъ въ совокупности.

Въ основаніи боеваго порядка совокупности трехъ родовъ войскъ лежатъ тѣ же главныя условія: 1) гибкость, удобоприѣмчивость ко всякаго рода обстановкѣ; 2) независимость частей, при возможности самой дѣйствительной взаимной поддержки; 3) способность къ парированію какихъ бы то ни было случайностей. Какимъ образомъ онѣ осуществляются въ боевомъ порядкѣ каждаго изъ родовъ войскъ, было разобрано; остается разсмотрѣть, какъ условія эти вынодняются при совокупномъ построеніи всѣхъ трехъ родовъ войскъ, и въ особенности условіе независимости (тамъ частей, здѣсь различныхъ родовъ войскъ), при возможности самой дѣйствительной взаимной поддержки, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Прежде всего необходимо замѣтить, что при соединеніи трехъ родовъ войскъ, въ зависимости отъ разнообразныхъ цѣлей, могутъ встрѣтиться два случая: 1) или въ отрядѣ пѣхота является въ видѣ главнаго рода войскъ, а кавалерія въ видѣ вспомогательнаго, или 2) наоборотъ.

Въ первомъ случаѣ расположеніе кавалеріи относительно пѣхоты, благодаря прерывчатости нынѣшняго боеваго порядка послѣдней, можетъ быть весьма разнообразно: или а) ее высылаютъ всю впередъ и она принимаетъ на себя роль авангарда, когда она значительно сильнѣе кавалеріи противника, когда мы превосходимъ непріятельскую въ нравственномъ отношеніи и когда мѣстность благопріятствуетъ употребленію ея въ значительныхъ массахъ; или б) при обратныхъ условіяхъ, высылается только часть ея впередъ, исключительно для наблюденія за непріателемъ; или в) ее располагаютъ въ резервѣ, иногда за центромъ, когда оба фланга открыты и позиція не длинна, или когда оба фланга закрыты и впереди центра находится удобное мѣсто для дѣйствія кавалеріи; или г) за однимъ изъ фланговъ, если другой флангъ обезпеченъ; или д) ее располагаютъ за обоими флангами, если оба они откры-

ты и позиция, на столько длинна, что, поставленная въ совокупности въ центрѣ, кавалерія не въ состояніи была бы въ нѣмъ своевременно подоспѣть (*); или е) иногда, при защитѣ растянутыхъ позицій, главные опорные пункты (лѣса, селенія и проч.) занимаются пѣхотою и артиллеріею, а открытые между ними промежутки защищаются кавалеріею (**), конечно придерживаясь строго правила, *чтобы кавалерія не стояла на одной высотѣ съ пѣхотою*. Кавалерія при этомъ можетъ, смотря по обстоятельствамъ, быть расположена или въ резервномъ или въ боевомъ порядкѣ кавалерія, ж) Иногда ставятъ кавалерію въ боевомъ порядкѣ, за нѣкоторыми изъ участковъ пѣхотнаго порядка, гдѣ мѣстность впереди благоприятствуетъ ея употребленію; з) иногда незначительныя части кавалеріи располагаются даже въ боевыхъ линіяхъ пѣхотнаго боеваго порядка, для непосредственной поддержки нѣкоторыхъ изъ частей его (самф собою разумѣется, что главная масса кавалеріи при этомъ располагается въ резервѣ). Вообще, при нынѣшнемъ прѣривчатомъ, въ высшей степени гибкомъ и подвижномъ боевомъ порядкѣ, размѣщеніе кавалеріи въ отношеніи къ пѣхотѣ можетъ быть до безконечности разнообразно, и о назначеніи ей какого-либо заранѣе опредѣленнаго мѣста, какъ это дѣлалось прежде, и рѣчи быть не можетъ. Такая полная свобода въ размѣщеніи кавалеріи есть именно продуктъ новѣйшей тактики; прежде, въ этомъ отношеніи, она была крайне скована и всегда располагалась на флангахъ общаго боеваго порядка. Въ древнія времена это объясняется какъ свойствами тогдашняго боеваго порядка, такъ и тою второстепенною ролью, которая принадлежала кавалеріи. Въ средніе вѣка кавалерія является въ видѣ главнаго рода войскъ. Пѣхота въ то время находилась до того въ жалкомъ состояніи, что ее нельзя было даже считать за родъ войскъ—это былъ сбродъ—такъ что о комбинаціи пѣхоты съ кавалеріею въ этотъ періодъ не было и мысли. Притомъ, подъ влияніемъ особенныхъ политическихъ условій, существовала полнѣйшая политическая децентрализація, и, по понятіямъ того времени, бой принимаетъ оригинальный характеръ: онъ обращается въ одиночный бой, и соответственно тому и самая тактическая форма пост-

(*) Подобное раздробленіе кавалеріи весьма невыгодно и должно быть допускаемо только въ крайности.

(**) Подобно тому, какъ это было при Ль-Ротьерѣ 1814 года, когда Наполеону съ 40,000 пришлось оборонять позицію въ 12 верстѣ.

роенія кавалеріи для боя обращается въ строй разсыпной (та же децентрализація; вліяніе, хоть можетъ быть нѣсколько отдаленное, политическихъ условій на тактическія формы). Въ послѣдующія времена, когда кавалерія снова сплотилась въ массы, когда пѣхота выработалась какъ родъ войскъ, отвѣчавшій требованіямъ тогдашней тактики, кавалерія снова заняла свое обычное мѣсто на флангахъ боеваго порядка. Густавъ-Адольфъ, оставляя ее на флангахъ общаго боеваго порядка пѣхоты, начинаетъ перемѣшивать ее со взводами мушкетеровъ. Запретивъ кавалеріи употреблять стрѣльбу въ бою, онъ такимъ путемъ предполагалъ дать ей средства къ подготовкѣ успѣха своихъ атакъ. Вообще въ этомъ перемѣшиваніи кавалеріи съ пѣхотою слѣдуетъ видѣть первое, грубое осуществленіе выработавшейся впоследствии идеи о конной артиллеріи. Непониманіе идеи Густава-Адольфа, въ связи съ слѣпымъ подражаніемъ ему, привело къ нелѣпому перемѣшиванію во всемъ боевомъ порядкѣ обоихъ родовъ войскъ, столь разнохарактерныхъ по свойствамъ своимъ; къ перемѣшиванію, достигшему крайняго предѣла безобразія въ расположеніи англійскихъ войскъ въ сраженіи при Альмаицѣ. (Въ 1705 году, 5 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ кавалеріи, 5 баталіоновъ пѣхоты и т. д.) При Фридрихѣ Великомъ, по сплошности боеваго порядка, кавалерія располагается опять-таки не иначе, какъ на флангахъ. Въ настоящее время, при прерывчатомъ боевомъ порядкѣ, кавалерію можно располагать *вездѣ*. Гибкость формы построенія достигаетъ такимъ образомъ крайняго предѣла.

Въ томъ случаѣ, когда кавалерія составляетъ главный родъ войска въ отрядѣ, а пѣхота придана въ незначительномъ числѣ, въ видѣ вспомогательнаго рода войскъ, кавалерія располагается въ свойственномъ ей боевомъ порядкѣ, сообразно съ требованіемъ обстановки, а пѣхота употребляется для занятія и обороны мѣстныхъ предметовъ, находящихся по близости ея расположенія, или на флангахъ, для обезпеченія ихъ, или впереди, или позади. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ она замѣняетъ собою какъ бы резервъ кавалеріи. Въ случаѣ неудачи, кавалерія можетъ отойти за пѣхоту, подобнымъ образомъ расположенную, и подъ ея прикрытіемъ снова устроиться для боя. На мѣстности закрытой пѣхота прокладываетъ путь кавалеріи, на мѣстности открытой—наоборотъ. Въ случаѣ успѣха кавалеріи, пѣхота слѣдуетъ за нею, чтобы утвердиться на мѣстахъ, захва-

ченныхъ кавалерію. Вообще подобнаго рода соединеніе кавалеріи съ пѣхотою весьма выгодно во многихъ отношеніяхъ; но оно представляетъ одну существенную невыгоду, именно ту, что кавалеріи, для того, чтобы не лишиться постояннаго содѣйствія пѣхоты, придется отказаться отъ главнаго своего преимущества—отъ подвижности. Вотъ почему несравненно выгоднѣе, вмѣсто того, чтобы придавать къ кавалеріи пѣхоту, въ видѣ вспомогательнаго рода войскъ, присоединять къ крупнымъ кавалерійскимъ единицамъ, какъ, напримѣръ, къ дивизіямъ, *драгуновъ*, какъ то сдѣлано у насъ, чрезъ что въ значительныхъ размѣрахъ увеличивается самостоятельность кавалерійскихъ отрядовъ, безъ малѣйшаго ущерба ихъ подвижности.

Рѣшеніе нѣсколькихъ нижепомѣщаемыхъ задачъ ближе всего укажетъ на ту свободу, которою пользуется, при нынѣшнихъ условіяхъ, кавалерія, при расположеніи ея для боя, совокупно съ прочими родами войскъ.

Задача 1-я. (См. фиг. 14.) Отрядъ изъ дивизіи пѣхоты и бригады кавалеріи, съ соответствующимъ числомъ артиллеріи (13 баталіоновъ, 8 эскадроновъ, 24 пѣшихъ и 8 конныхъ орудій), расположить на позиціи для обороны доступовъ къ пункту А.

На чертежѣ (фиг. 14) показано примѣрное расположеніе отряда.

До приближенія непріятеля къ позиціи, кавалерія, или вся, или часть ея, смотря по обстоятельствамъ, указаннымъ выше, можетъ быть выдвинута впередъ, для замедленія наступленія непріятеля или для наблюденія за нимъ. Задерживая наступленіе непріятеля, она постоянно сближается съ главною позиціею и затѣмъ очищаетъ, по возможности, скорѣе мѣсто впереди фронта, чтобы не заслонить собою огня своихъ батерей. Для этого выгоднѣе всего, при отступленіи кавалеріи, дать ей заблаговременно направленіе на одинъ изъ фланговъ. По очищеніи мѣстъ впереди фронта главной позиціи, кавалерія, въ данномъ случаѣ, располагается въ резервѣ, за центромъ общаго расположенія войскъ.

Задача 2-я. (См. фиг. 14.) Предположимъ тѣ же условія, какъ и въ первой задачѣ, но допустимъ, что одинъ изъ фланговъ, именно правый, обезпеченъ недоступною мѣстностію, рѣкою, непроходимою въ бродъ, болотомъ и т. п.

Въ этомъ случаѣ кавалерію придется поставить за лѣвымъ

флангомъ и въ расположеніи пѣхоты сдѣлать нѣкоторые измѣненія, именно: главный резервъ помѣстить тоже за лѣвымъ флангомъ, вторымъ подкомъ занять рощу въ центрѣ, а стрѣлковій баталіонъ перемѣстить въ селеніе на правомъ флангѣ. Относительно стрѣлковыхъ баталіоновъ слѣдуетъ вообще замѣтить, что они, подобно стрѣлковымъ ротамъ, имѣютъ главнымъ назначеніемъ мѣткую стрѣльбу съ дальнихъ дистанцій. Если между ними должна быть допускаема разница, то она заключается въ томъ, что стрѣлковыя роты должны быть преимущественно употребляемы для первоначальнаго разсыпанія, между тѣмъ какъ на стрѣлковые баталіоны слѣдуетъ смотрѣть какъ бы на резервъ стрѣлковый, который вступаетъ въ дѣло тогда, когда, во время боя, на какомъ-нибудь пунктѣ вдругъ понадобится значительная масса наиболѣе мѣткаго огня. Для такихъ собственно случаевъ стрѣлковые баталіоны должны быть преимущественно сберегаемы. Несмотря на то, иногда стрѣлковые баталіоны могутъ быть, въ самомъ началѣ боя, назначаемы въ боевую часть, именно для занятія мѣстныхъ предметовъ, благопріятствующихъ защитѣ огнемъ доступовъ къ другимъ пунктамъ позиціи, и въ то же время неподверженныхъ атакамъ непріятеля или по крайней мѣрѣ представляющихъ малую вѣроятность, что непріятель поведетъ на нихъ атаку, потому ли, что они сильны, какъ, напримѣръ, роща, въ первой задачѣ (центрѣ позиціи), или же потому, что занятіе ихъ не представляетъ непріятелю особенныхъ выгодъ, какъ, напримѣръ, деревня на правомъ флангѣ, во второй задачѣ. Ставить же стрѣлковые баталіоны въ самомъ началѣ боя въ боевыхъ линіяхъ, и притомъ на такихъ пунктахъ, на которые непріятель можетъ повести атаку, невыгодно потому, что можно израсходовать въ штыковомъ дѣлѣ родъ войска, специальность котораго состоитъ въ мѣткой стрѣльбѣ на дальнія дистанціи.

Задача 3-я. Условія тѣ же, какъ и во второй задачѣ, но предположимъ, что и лѣвый флангъ будетъ обезмеченъ мѣстностію или расположеніемъ другихъ войскъ.

Въ этомъ случаѣ кавалерію придется поставить, подобно тому, какъ и въ первой задачѣ, за центромъ. Что же касается расположенія прочихъ войскъ, то, при этихъ условіяхъ, боевую часть можно будетъ, сравнительно съ рѣшеніемъ первой и второй задачъ, нѣсколько ослабить, усиливъ резервъ.

Въ рѣшеніи трехъ предвѣдущихъ задачъ главная масса кавалеріи, располагаясь въ резервѣ за боевымъ порядкомъ пѣхоты, можетъ съ особенною пользою отдѣлится отъ себя небольшія части кавалеріи въ боевую часть, для непосредственной поддержки ей (напримѣръ, хотя по одному эскадрону за оба селенія и за рощу). Располагаясь скрытно, чтобы не терпѣть напрасно отъ непріятельскаго огня, и въ особенности потому, что успѣхъ подобныхъ незначительныхъ частей кавалеріи преимущественно основанъ на внезапности, онѣ выносятся впередъ въ томъ случаѣ, если непріятельскіе стрѣлки слишкомъ смѣло подадутся впередъ или батарея значительно опередитъ прикрывающія ее войска, чтобы отрѣзать цѣпь или захватить батарею. Если бы вся масса кавалеріи расположена была въ совокупности въ резервѣ, что, въ свою очередь, представляетъ ту выгоду, что, въ благоприятную минуту, можно сосредоточить на извѣстномъ пунктѣ, въ кратчайшее время, значительное число кавалеріи, то, съ другой стороны, случаи, упомянутые выше, были бы сплошь и рядомъ упускаемы, а ихъ, во время боя, можетъ набраться не мало.

Задача 4-я. Условія совершенно тѣ же, какъ и въ первой задачѣ, только позиція имѣетъ не одну версту, а двѣ версты протяженія (т. е. растянутая позиція).

Въ этомъ случаѣ придется сразу значительно усилить боевую часть и расположить въ ней или всю пѣхоту и артиллерию, или по крайней мѣрѣ большую часть ея; напримѣръ, каждый изъ трехъ мѣстныхъ предметовъ занять полкомъ пѣхоты съ батареей и одинъ полкъ поставить въ резервѣ за центромъ, какъ потому, что здѣсь проходитъ путь отступленія, такъ равно и потому, что въ растянутомъ расположеніи центръ представляетъ самую слабую точку. При всемъ томъ, въ позиціи обнаружатся значительные промежутки, сквозь которые непріятель легко можетъ прорваться. Удобнѣе всего будетъ заслонить ихъ кавалеріею, которая, въ этомъ случаѣ, можетъ быть расположена или въ боевомъ порядкѣ (такъ какъ направленіе, въ которомъ ей придется дѣйствовать, опредѣлено заранѣе, само собою разумѣется, въ такомъ удаленіи отъ непріятеля, чтобы напрасно не терпѣть отъ его огня), или въ резервномъ порядкѣ, если представится возможность укрыть ее. Подобнымъ образомъ расположена была большая часть французской кавалеріи.

леріи въ сраженіи при Ла-Ротьерѣ, между Діаввилемъ и Ла-Ротьеромъ, симъ послѣднимъ и деревней Пти-Мениль.

Задача 5-я. Расположить отрядъ вышеприведеннаго состава на позиціи, прикрытый съ фронта трудно-проходимую преградю, напримѣръ: рѣкою или глубокимъ оврагомъ.

Пѣхота, съ артиллеріею, располагается для непосредственной защиты преграды, при чемъ безъ вреда она можетъ стать значительно шире; кавалерія становится шагахъ въ 200 — 400 позади преграды, въ боевомъ порядкѣ, съ тѣмъ, чтобы встрѣтить непріятеля атакою съ мѣста, когда онъ въ разстройствѣ преодолѣетъ преграду и начнетъ устраиваться по эту сторону ея. Само собою разумѣется, что подобное расположеніе кавалерія должна принять только въ ту минуту, когда непріятель будетъ переходить преграду, уже потому, во-первыхъ, что успѣхъ ея дѣйствій преимущественно обезпечивается внезапностію ея появленія, во-вторыхъ потому, что иначе непріятель выставитъ противъ нея свои батареи, заставитъ ее отойти и тогда уже приступить къ переходу черезъ преграду. Подобнымъ образомъ была расположена большая часть нашей кавалеріи въ кудльскомъ бою для защиты перехода черезъ ручей Страденъбахъ.

Задача 6-я. Расположить кавалерію для непосредственнаго прикрытія фланга идущей въ атаку пѣхоты.

Кавалерія располагается или въ резервномъ порядкѣ за этимъ флангомъ, или въ боевомъ, уступами назадъ относительно расположенія пѣхоты.

Если кавалерія назначается для непосредственной поддержки, для смѣны боевыхъ линій пѣхоты, какъ при оборонѣ, такъ и при наступленіи, то она строится за пѣхотою въ боевомъ порядкѣ или въ дивизионныхъ колоннахъ изъ середины, или во взводныхъ по-эскадронно. Подобнымъ образомъ расположена была большая часть нашей и французской кавалеріи въ бородинскомъ сраженіи.

Если бы непріятель былъ особенно силенъ въ кавалеріи, а мы, напротивъ того, крайне слабы, то пѣхота съ артиллеріею принимаютъ соответствующее расположеніе, указанное выше, а кавалерія держится въ пространствѣ между кареями и выскакиваетъ оттуда только въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ

непріятельскихъ эскадроновъ будетъ отбитъ огнемъ пѣхоты, для преслѣдованія его.

Все это показываетъ, въ какой мѣрѣ расположеніе кавалеріи относительно пѣхоты разнообразно и что заранее опредѣленнаго мѣста въ боевомъ порядкѣ она имѣть не можетъ.

Главные основанія для построенія войскъ въ бою, указанія выше, справедливы не только по отношенію къ современнымъ боевымъ порядкамъ, но и въ отношеніи боевыхъ порядковъ всѣхъ вѣковъ. Они постоянно были неизмѣнны, но только выливались въ безконечно-разнообразныя формы, въ зависимости отъ обстановки. *Формы построенія древнихъ были болѣе постоянны, чѣмъ нынѣшнія*, потому что тогдашняя обстановка была проще и, притомъ, почти постоянно представлялась въ одномъ и томъ же видѣ ⁽¹⁾. Обстановка боя въ древнія времена была преимущественно та, при которой теперь приходится производить послѣднюю рѣшительную атаку (*le coup de collier*), исполняемую обыкновенно или вовсе безъ резерва, или при весьма слабыхъ резервахъ. Оттого во всѣхъ построеніяхъ древнихъ замѣчается незначительная глубина боевого порядка ⁽²⁾; у нихъ не было главнаго резерва, а все ограничивалось только частнымъ резервомъ, отвѣчающимъ нынѣшней такъ называемой второй боевой линіи. Въ *легионѣ*, въ случаѣ неудачи, первая линія (гастаты) отступала въ промежутки манипулъ второй линіи (принциповъ); въ случаѣ дальнѣйшей неудачи обѣ переднія линіи отходили подъ покровительство третьей (*триаріевъ*); въ эту минуту легионъ терялъ свою прерывчатую форму и обращался въ сплошную, плотную массу, фалангу ⁽³⁾. Это было послѣднее средство. Такимъ образомъ, легионъ могъ возобновить бой три раза, слѣдовательно располагалъ достаточными средствами для веденія боя. Въ *фалангѣ*, при сплошномъ размѣщеніи частей, этого быть не могло: тамъ бой возстанав-

(1) Оружіе только холодное, дѣйствіе метательнаго ничтожно, подготовительнаго періода боя почти не было; случайности, окружающія бой при этомъ условіи, должны были представляться въ весьма незначительныхъ размѣрахъ; наконецъ, мѣстность болѣею частью открытая и ровная.

(2) Т. е. всего боевого порядка, потому что каждая изъ частей его имѣла значительную глубину (фаланга 16 шереновъ, манипулы 10).

(3) Изъ этого уже видно, что легионъ, въ бою, переливался въ фалангу и что фаланга есть какъ бы частный случай легиона, отвѣчающій послѣдней рѣшительной минутѣ боя и, притомъ, когда мы ставимъ себѣ ближайшею задачею достигнуть максимумъ силы въ оборонѣ.

ливался и подготовлялся путемъ индивидуальнаго замѣщенія одного солдата другимъ. Впрочемъ, иногда вторая и третья линіи, въ рукахъ искусныхъ полководцевъ, получали и инныя назначенія, какъ, на примѣръ, обезпеченіе фланговъ (Цезарь при Фарсаль); но вообще резервъ не имѣлъ тогда такого многообразнаго назначенія, какое получилъ въ новѣйшее время.

По мѣрѣ успѣховъ военной техники, увеличиваются средства къ подготовкѣ успѣха атаки въ бою и расширяется все боѣе и боѣе первый, подготовительный періодъ боя. Казалось бы, ближайшимъ слѣдствіемъ этого должно было бы быть увеличеніе въ значительныхъ размѣрахъ глубины боеваго порядка, по той весьма естественной причинѣ, что, съ расширеніемъ предѣловъ боя, и масса случайностей, окружающихъ его, должна была увеличиться. Все это, конечно, совершенно справедливо, если подготовку понимать не только въ тѣсномъ смыслѣ, въ смыслѣ подготовки атаки огнемъ, но и въ боѣе широкомъ, въ смыслѣ частныхъ атакъ, ложныхъ атакъ, маневровъ, умѣнья внезапно явиться передъ неприятелемъ. Но для осуществленія подготовки въ подобномъ смыслѣ необходима армія въ высокой степени гибкая и подвижная, такая, кака я создавалась только въ концѣ XVIII столѣтія. До ея появленія подготовка атаки заключалась преимущественно въ усиленномъ огнестрѣльномъ дѣйствіи, и самое построеніе соотвѣтствовало этой цѣли.

Вообще форма становится особенно разнообразною и гибкою лишь съ конца прошедшаго столѣтія (успѣхи техники, крайнее развитіе гибкости и подвижности и перенесеніе поля сраженія на мѣстность разнохарактерную; бой окруженъ множествомъ случайностей; необходимость глубокаго построенія). Въ тактикѣ создается резервъ, и, притомъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ еще не существовалъ въ ней до этого времени. Прежде, какъ неоднократно было замѣчено, если и былъ резервъ, то это была собственно нынѣшняя наша вторая боевая линія (на примѣръ, резервъ у Филопомена въ третьемъ магнинейскомъ сраженіи).

Несмотря однако на однообразіе въ обстановкѣ, обусловливавшей большее постоянство формъ построенія, послѣднія и у древнихъ часто измѣнялись. Такимъ образомъ, во время знаменитаго отступленія 10,000, Ксенофонтъ, когда ему пришлось двигаться по мѣстности открытой подъ ударами значительной массы кавалеріи, строить войско въ одно обширное *pare* (тѣмъ

четырехъ малыхъ фалангъ), внутри котораго размѣстились легкія войска, конница (всего 40 человекъ), женщины, скоть и проч. Далѣе Ксенофонтъ замѣтилъ, что, при прохожденіи черезъ дефиле, происходили обыкновенно давка, толкотня, вообще такой беспорядокъ, которымъ непріятель могъ весьма удобно воспользоваться для нападенія. Чтобы отвратить это, необходима была особенная прикрывающая часть, могущая служить для возстановленія порядка, въ случаѣ его нарушенія, вообще резервъ. Всѣ неудобства движенія въ одной массѣ должны были сразу обнаружиться. Для устраненія этого, Ксенофонтъ приказалъ сформировать шесть небольшихъ колоннъ, каждая во 100 человекъ. Онѣ обезпечивали каре съ фланговъ, во время марша, прикрывали переходъ его черезъ трудныя мѣста (черезъ Кардукскія горы, рѣку Центритъ....), и если въ немъ образовывались отверстія, то замыкали ихъ собою. Въ другомъ случаѣ, для атаки горы, крутой, но доступной, греки построились въ фалангу. Ксенофонтъ, видя всѣ неудобства этого порядка для атаки непріятели, расположился на высотѣ, предложилъ перестроить всю массу войскъ въ значительное число малыхъ колоннъ (80 колоннъ, каждая во 100 человекъ). Легкія войска раздѣлены были на три отряда, каждый въ 600 человекъ, и построены: одинъ уступомъ впереди лѣваго фланга, другой уступомъ впереди праваго фланга, третій впереди центра. Сплошная фаланга обращается такимъ образомъ въ прерывчатый боевой порядокъ, въ легіонъ. Подобнымъ же образомъ распорядился и Филопомень въ третьемъ мантинейскомъ сраженіи, и опять-таки по той же самой причинѣ, потому что ему пришлось дѣйствовать на мѣстности пересѣченной и оборонять оврагъ. То же сдѣлалъ Пирръ, который, на пересѣченной мѣстности Италіи, поставленъ былъ въ необходимость преобразовать фалангу въ легіонъ (*).

Подобно тому, какъ фаланга, тамъ, гдѣ обстановка того тре-

(*) Какъ видно изъ исторіи военнаго искусства, греки нерѣдко употребляли и другія формы построенія. Такъ, напримѣръ, иногда они строились въ видѣ *круга*, имѣя легкія войска внутри, для отраженія удара со всѣхъ сторонъ; въ видѣ *полукруга*, чтобы охватить непріятели; въ видѣ *клина*, или такъ называемой *свиной головы*, чтобы прорвать непріятели. Иногда четыре фаланги становились одна воагъ другой, иногда одна за другой (нѣчто въ родѣ *колонны*), иногда двѣ впереди, двѣ сзади; иногда греки обращались, подобно Эпаминонду при Мантиней, къ *уступной* формѣ, иногда къ *шахматной* (Филопомень въ третьемъ мантинейскомъ сраженіи). (Carrion-Nisas — Essai sur l'histoire générale de l'art militaire, I, 68 и 69. Rocquencourt.)

бовала, видоизмѣнялась до обращенія ея въ легионъ, и легионъ, въ особенности подъ конецъ своего существованія, когда римлянамъ пришлось имѣть дѣло съ варварами, главныя силы которыхъ заключались въ конницѣ, нерѣдко обращался въ фалангу, именно когда приходилось дѣйствовать на обширныхъ равнинахъ Азіи противъ непріятели, особенно сильнаго въ кавалеріи, какъ то было, напримѣръ, во время дѣйствій Красса и Антонія противъ парянъ. Александръ Северъ, въ массивованіи войскъ, превзошелъ даже размѣры греческой фаланги.

Вообще въ формахъ, въ которыхъ дѣйствовалъ легионъ въ различныя эпохи его существованія, необходимо отличать слѣдующіе четыре момента: 1) Когда, подъ вліяніемъ наступательныхъ стремленій, онъ разбивается на небольшія самостоятельныя единицы (60—120 человекъ), располагаемыя всѣ въ общей связи между собою, какъ въ глубину, такъ и въ ширину: это боевой порядокъ по манипуламъ. 2) Когда Марій ввелъ въ легионъ элементъ сомнительнаго достоинства—рабовъ, онъ, въ видахъ улучшенія нравственной его стороны, нашелся вынужденнымъ обратиться къ большому массивованію войскъ и слилъ три манипулы въ когорту (300 человекъ). Развивая далѣе первоначальную мысль Марія, вскорѣ обратились къ когортамъ въ 500 человекъ. Съ тою же цѣлю является въ послѣдствіи еще тысячная отборная когорта, которая располагалась то впереди прочихъ, то по флангамъ, раздѣляясь пополамъ. Остальныя же когорты строились обыкновенно въ три линіи, иногда въ двѣ, а иногда и въ одну. Это былъ второй моментъ существованія легиона. Однако всѣ эти, большею частію механическія, средства мало способны были къ уничтоженію нравственной порчи, вкравшейся въ легионъ. Для удержанія солдатъ подъ знаменами, необходимо было прибѣгать къ самымъ постыднымъ средствамъ, какъ, напримѣръ, къ выжиганію влеймъ на тѣлѣ, чтобы можно было распознать, къ какой части они принадлежали, между тѣмъ какъ въ первый періодъ существованія легиона люди одной и той же части, въ знакъ готовности поддержать другъ друга въ какомъ бы то ни было положеніи, въ удостоеніи круговой поруки, давали другъ другу только руку (*unc poignée de mains, manipulum*, отсюда названіе самой тактической единицы „манипулы“). 3) Въ третій моментъ своего существованія легионъ принимаетъ видъ компактной массы, фаланги, а именно при Крассѣ, Антоніи и Александрѣ Северѣ,

и наконецъ 4) въ послѣдній періодъ своего существованія (легіонъ временъ Вегеція) порча римскихъ войскъ до того глубоко вкоренилась, что, для приданія легіону хотя нѣкоторой стойкости въ бою, необходимо было обратиться къ разнаго рода внѣшнимъ, чисто-матеріальнымъ средствамъ (человѣкъ всегда склоненъ искать внѣ себя, чего онъ не находитъ въ себѣ), какъ, на примѣръ, къ машинамъ (на легіонъ въ 6,000 полагалось около 65 машинъ, т. е. болѣе чѣмъ по 10 на 1,000 человѣкъ). Такое громадное число машинъ лишало легіонъ всякой подвижности и, мало того, вынуждало его занимать чрезвычайно обширныя позиціи. Такимъ образомъ, компактное и массивное расположеніе временъ Антонія и Александра Севера обратилось въ растянутое, тонкое, и вообще порядокъ построенія былъ чисто пассивный, имѣвшій главною цѣлю прикрытіе машинъ. „Конечно, это былъ уже не тотъ легіонъ — говоритъ Каррионъ-Низасъ (I, 327) — въ которомъ каждый индивидуумъ былъ силою, каждый постъ почетнымъ званіемъ, въ которомъ каждый сражался за себя, въ которомъ одинъ человѣкъ стоилъ другаго, изъ котораго повсюду исходила атака, въ которомъ повсюду находилось сопротивленіе. Довѣріе перешло отъ воли человѣка къ механическому размѣщенію частей и къ слѣпой силѣ машинъ.“

Всевозможныя формы построенія для боя, при всемъ безконечномъ разнообразіи своемъ, вообще могутъ быть приведены къ двумъ крайнимъ типическимъ формамъ: фаланги и легіона, т. е. къ построенію непрерывному и къ построенію прерывчатому (*).

Какимъ условіямъ отвѣчаетъ построеніе легіонарное, объ этомъ было упомянуто выше. Что же касается до фаланги, то подобный боевой порядокъ могъ родиться только при стремленіи достигнуть максимумъ силы въ оборонѣ (**). Все было одѣла-

(*). Къ фалангообразнымъ построеніямъ относятся: греческая фаланга, боевой порядокъ швейцарцевъ, терціи Тилли и Валленштейна, боевой порядокъ временъ Фридриха Великаго; къ легіонарнымъ — римскій легіонъ, нидерландскій боевой порядокъ, бригада Густава-Адольфа, нынѣшній боевой порядокъ. Достаточно ближе ознакомиться только съ свойствами фаланги и легіона, чтобы, благодаря этому, имѣть вѣрный масштаб къ оцѣнкѣ всевозможныхъ боевыхъ порядковъ.

(**). Вообще оборонительныя тенденціи преобладаютъ во всей военной системѣ грековъ, начиная съ самыхъ капитальныхъ учрежденій до мелочей. Такъ, на примѣръ, постыднымъ считалось потерять щитъ, а не мечъ. Щитъ считался самымъ почетнымъ оружіемъ у грековъ. Одинъ изъ спартанцевъ, совершившій нѣсколько блестящихъ подвиговъ, былъ наказанъ за то, что сражался безъ щита. Эти обо-

но въ пользу увеличенія массы, до того даже, что подвижность была почти убита. Фаланга была собственно крѣпостца, върнѣе: стѣна изъ большихъ щитовъ, защищаемая пиками. *Вообще, при слабомъ развитіи подвижности въ войскахъ, тактическія формы стремятся обратиться какъ бы въ фортификаціонныя* (*). При значительномъ развитіи подвижности, это совершенно лишнее. Благодаря ей одной, войска имѣютъ множество средствъ къ парированію всякаго рода ударовъ. Такъ, напримѣръ, кавалерія не нуждается въ такой формѣ построенія, какъ *каре* (а это чисто-фортификаціонная форма), потому что, благодаря своей подвижности, она способна къ быстрой перемѣнѣ фронта во всѣ стороны. Въ XVI столѣтіи пѣхота, въ бою противъ кавалеріи, по малой подвижности своей, прибѣгала къ формамъ построенія въ видѣ креста, въ видѣ бастионныхъ, полубастионныхъ, крѣпостцей, пѣтернъ-шанцевъ и т. п., т. е. заранее принимала построенія, способныя къ отпору во всѣ стороны.

Сравнивая, такимъ образомъ, теоретически построенія фалангообразныя и легионарныя, казалось бы, что послѣднимъ слѣдовало бы отдать полное предпочтеніе передъ первыми; на самомъ же дѣлѣ приходится отдавать предпочтеніе тому, что болѣе отвѣчаетъ требованіямъ обстановки. Греки, глубоко проникнутые оборонительными тенденціями, вслѣдствіе условий, окружавшихъ ихъ жизнь, стараются достигнуть наибольшаго развитія обороны и находятъ рѣшеніе этого вопроса въ фалангѣ. Впослѣдствіи *швейцарцы*, которымъ пришлось дѣйствовать почти при тѣхъ же условіяхъ (*), подобно грекамъ, ставятъ себѣ ту же задачу и разрѣшаютъ ее такою же почти массивною формою построенія (баталіоны отъ 3—4,000, *hérissons*, подвижныя крѣпостцы). Успѣхи военной техники, усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія, особенности артиллеріи, об-

ронительныя тенденціи объясняются ближе всего политическимъ устройствомъ древней Греціи (союзъ мелкихъ государствъ) и также, по всей вѣроятности, тѣмъ взглядомъ на войну, что она законна только тогда, когда мы беремъ за оружіе для защиты отечества, когда ему угрожаетъ опасность.

(*) Существенная разница между тактическою и фортификаціонною формами заключается въ томъ, что первая въ высокой степени гибка и, смотря по требованіямъ обстановки, можетъ переливаться въ самыя разнообразныя формы; вторая же — мертва, поэтому и должна быть такъ соображена, чтобы она сразу отвѣчала всѣмъ требованіямъ, готова была бы на все, съ какой бы стороны непріятель ни показался.

(**) Число мушкетеровъ было еще крайне ограничено и огонь былъ весьма слабъ.

наружили весь вредъ подобнаго массированія и заставили откаться отъ него. Отъ глубокихъ массъ дѣйствительно начинаютъ постоянно отказываться, и приходятъ къ тонкому построению, но тѣмъ не менѣе опять-таки къ массивному, потому что оно было построение сплошное, фалангообразное, и причину тому слѣдуетъ искать, какъ выше было указано, единственно въ дурномъ составѣ тогдашнихъ вербовныхъ армій, сформированныхъ изъ бродягъ всѣхъ странъ. Въ арміяхъ же народныхъ, какъ, на примѣръ, въ Нидерландахъ, въ Швеціи при Густавѣ-Адольфѣ, массы раскалываются на небольшія тактическія единицы и принимается построение прерывочное, легионарное. Не можетъ быть, чтобы гениальные люди, какъ Фридрихъ, не понимали тѣхъ несомнѣнныхъ выгодъ, которыя представляетъ послѣднее построение сравнительно съ фалангообразнымъ. Они понимали это очень хорошо, но не рѣшались перейти къ нему вслѣдствіе дурнаго состава ихъ армій. Почему Фридрихъ не былъ охотникомъ до обороны и атаки мѣстныхъ предметовъ и вообще до дѣйствія въ разсыпномъ строѣ? Опять по той же самой причинѣ. При тогдашнемъ составѣ его пѣхоты, разбрасываніе оной было крайне опасно. Только одна нужда могла заставить Фридриха отказаться отъ несомнѣнныхъ выгодъ въ высшей степени гибкаго и подвижнаго прерывчатаго боеваго порядка въ пользу неповоротливаго, деревяннаго, фалангообразнаго. И только со введеніемъ обязательной военной повинности, съ появленіемъ народныхъ армій явилась возможность осуществить мечту Морица Саксонскаго и Ллойда и, въ видахъ возможно-полнаго развитія гибкости и подвижности, перейти къ прерывчатому боевому порядку настоящаго времени.

Въ какой мѣрѣ фридриховскій боевой порядокъ представлялъ собою форму деревянную, лучшимъ подтвержденіемъ служить: 1) его неспособность примѣняться ко всякаго рода обстановкѣ и вслѣдствіе того необходимость каждый разъ подбирать соответствующую ему обстановку, т. е. мѣстность открытую и ровную; 2) неспособность сосредоточенія, въ кратчайшее время, на извѣстномъ пунктѣ, наибольшаго огня и войскъ, короче: неспособность атаковать непріятеля на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, а не иначе какъ одновременно на всѣхъ, что, въ свою очередь, объясняется неспособностію, безъ разстройства цѣлаго, выдѣлить изъ себя часть или нѣсколько час-

тей для независимаго дѣйствія, а потому все приводилось въ движеніе одновременно. До какой степени этотъ недостатокъ важенъ, стоитъ только припомнить одно изъ основныхъ правилъ тактики: *бить непріятеля всегда въ самое важное для него мѣсто*. Боевой порядокъ настоящаго времени къ этому вполне способенъ, по своей гибкости. Фридрихъ понималъ выгоду подобнаго способа дѣйствій, веденія атаки на одинъ какой-нибудь пунктъ, важнѣйшій и по возможности слабѣйшій въ одно и то же время (обыкновенно онъ и выбиралъ для этого флангъ, ближайшій къ пути отступленія непріятеля); но спрашивалось: какъ этой цѣли достигнуть, при тогдашнемъ боевомъ порядкѣ? Повидимому, невозможно. Вотъ какъ Фридрихъ разрѣшалъ этотъ вопросъ:

Для достиженія этой цѣли, онъ располагалъ обыкновенно армію не паралельно фронту непріятеля, а противъ фланга его, въ направленіи косвенномъ къ его расположенію, черезъ что однѣ части, предназначавшіяся для производства атаки (обыкновенно лучшія, усиленные въ добавокъ превосходною прусскою конницею), находились ближе къ противнику, другія далѣе, такъ что хотя вся армія и приводилась въ движеніе одновременно, но бой завязывался не одновременно, и, благодаря мѣрамъ, принимаемымъ Фридрихомъ, только-что указаннымъ, сплошности боеваго порядка противника и отсутствію резерва, бой рѣшался на атакованномъ пунктѣ. Вотъ въ чемъ заключался такъ называемый *косвенный боевой порядокъ* (*) Фридриха, въ которомъ многіе, впоследствии, не достигавшіе основной идеи его, видѣли универсальный рецептъ для побѣдъ.

Въ концѣ XVIII столѣтія является обязательная воинская повинность, арміи получаютъ лучший составъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ является возможность перейти отъ фалангообразнаго къ легіонарному построенію и расчленивъ деревянный фридриховскій боевой порядокъ на органическія, самостоятельныя, гибкія единицы. Въ

(*) Этотъ знаменитый косвенный боевой порядокъ, употребленный съ такимъ успѣхомъ еще Эпминондомъ при Левктрахъ и Мантинѣхъ, весьма гуманно и просто объясняется теоретиками (такъ, напримѣръ, Роканкуръ—„*Cours élémentaire d'art et d'histoire militaires*“—для объясненія сущности его употребилъ 7 страницъ, I, 255 — 262 мелкой печати); между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ значеніе этого порядка можетъ быть объяснено весьма просто, а именно: атака можетъ быть ведена на нѣсколько пунктовъ или на одинъ какой-нибудь пунктъ; идея перваго способа атаки осуществляется въ формѣ паралельнаго непріятелю боеваго порядка; идея же атаки на одинъ какой-нибудь пунктъ отвѣчаетъ какъ форма, уступы или косвенный боевой порядокъ.

то же время окончательно устанавливается правильный взгляд на значеніе оружія огнестрѣльнаго, какъ подготовительнаго, и холоднаго, какъ рѣшительнаго, вслѣдствіе чего возникаютъ самыя разнообразныя строи, дающіе возможность вести бой на всякаго рода мѣстности. Воюющія стороны приобрѣтаютъ самыя разнообразныя средства къ подготовкѣ успѣха своихъ атакъ, и бой окружается множествомъ случайностей, что влечетъ за собою необходимость увеличенія, въ значительныхъ размѣрахъ, глубины боеваго порядка. Подъ влияніемъ всѣхъ этихъ условій возникаетъ нынѣшній боевой порядокъ, форма въ высшей степени гибкая, гибкость которой простирается до признанія законности всякой формы, до отрицанія всякой предвзятой формы, короче: форма, изъ всѣхъ до сихъ поръ существовавшихъ формъ, наиболѣе удовлетворяющая совокупности тѣхъ условій, которыя указаны были выше и которыя должны быть положены въ основаніе всякаго боеваго порядка.

Окончательный нашъ выводъ о боевомъ порядкѣ будетъ заключаться въ слѣдующемъ:

1) Основная идея всевозможныхъ боевыхъ порядковъ во все времена была неизмѣнною, но, въ зависимости отъ обстановки, она выливалась въ самыя разнообразныя формы. Отсюда очевидна несостоятельность всякаго нормальнаго боеваго порядка и какаго бы то ни было рода классификація боевыхъ порядковъ. Ихъ не семь, какъ полагаетъ Вегецій, и не двѣнадцать, какъ считаетъ генералъ Жюмини, а безчисленное множество, и нѣтъ между ними лучшаго, а всѣ они хороши въ свое время и на своемъ мѣстѣ.

2) Гибкость формы составляетъ принадлежность не только новѣйшаго боеваго порядка, но свойственна была и прежнимъ, несмотря на то, что она должна бы быть болѣе постоянною, вслѣдствіе болѣе постоянной обстановки, окружавшей, въ то время, бой. Въ какой мѣрѣ форма была гибка въ древнія времена, это мы видимъ изъ постепенныхъ переделовъ фаланги въ легионъ и легиона въ фалангу. Все это показываетъ, между прочимъ, что тѣ боевые порядки, которые, въ видѣ фаланги и легиона, обыкновенно приводятся въ курсахъ исторіи военнаго искусства, представляютъ, въ сущности, только какъ бы нормальные боевые порядки той эпохи. Противъ этого еще ничего нельзя сказать; но зачѣмъ же останавливаться на этомъ и не

показать, въ какихъ случаяхъ и въ зависимости отъ чего эти нормы измѣнялись и какъ онѣ измѣнялись? Это непростительный пробѣлъ, способный ближе всего обратить курсъ исторіи военнаго искусства какъ бы въ сборникъ нормальныхъ боевыхъ порядковъ всѣхъ временъ и народовъ.

3) При малой подвижности войскъ, живыя тактическія формы принимаютъ, поневолѣ, характеръ мертвыхъ, фортификаціонныхъ.

4) Форма построения безспорно имѣетъ важное значеніе, способствуя извѣстной массѣ войскъ къ выгоднѣйшему употребленію тѣхъ средствъ, которыми она располагаетъ для боя; но есть многое, и, притомъ, весьма многое, что должно быть поставлено выше ея, на примѣръ: выборъ благопріятной минуты для дѣйствія, выборъ направленія, а самое важное, конечно, *это человекъ, главное орудіе на войнѣ*. На сколько выборъ формы построения зависитъ отъ нравственныхъ качествъ, было указано въ различныхъ мѣстахъ нашего изслѣдованія. Чѣмъ выше нравственная сторона войскъ, тѣмъ свободнѣе можно относиться къ формѣ. Войска, въ высшей степени воодушевленные, нерѣдко позволяли себѣ даже вполне пренебрегать формою, и, притомъ, безнаказанно. Трудно найти примѣръ болѣе чувствительнаго пренебреженія формою, какъ поведеніе одного англійскаго баталіона въ сраженіи при Албуэрѣ, атаковавшаго французскую конную батарею въ развернутомъ фронтѣ и, несмотря на то, принудившаго ее къ отступленію. Но тѣмъ не менѣе и форма важна: ею не слѣдуетъ пренебрегать, и храбрыя войска, если ихъ поведутъ въ порядкѣ, отвѣчающимъ обстановкѣ, скорѣе и съ меньшими потерями достигнутъ цѣли. Наконецъ и храбрыя войска, при пренебреженіи формою, могутъ испытать неудачу.

Г. ДЕЕРЪ.